

ПОЛИНА ЕЛИЗАРОВА

18+

УБЕГАЯ ОТ ПРОШЛОГО,
НЕ ЗАБУДЬ ЛИШИТЬ СЕБЯ ПАМЯТИ

КАРТОННЫЕ СТЕНЫ

НОВОЕ ДЕЛО
САМОВАРОВОЙ

Детектив и криминал

Полина Елизарова
Картонные стены

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полина Елизарова

Картонные стены / Полина Елизарова — «Эксмо»,
2021 — (Детектив и криминал)

ISBN 978-5-04-161982-4

В романе «Картонные стены» мы вновь встречаемся с бывшим следователем Варварой Самоваровой, которая, вооружившись не только обычными для ее профессии приемами, но интуицией и даже сновидениями, приватно решает головоломную задачу: ищет бесследно исчезнувшую молодую женщину, жену и мать, о жизни которой, как выясняется, мало что знают муж и даже близкая подруга. Полина Елизарова по-новому открывает нам мир богатых особняков и высоких заборов. Он оказывается вовсе не пошлым и искусственным, его населяют реальные люди со своими приязнями и фобиями, страхами и душевной болью. Для Самоваровой этот опыт становится очередным испытанием, нарушающим хрупкую гармонию ее личной жизни. Алкоголизм, эгоизм, одиночество, манипуляция чувствами ближних – с этими вполне реальными демонами, столь знакомыми многим, приходится столкнуться бывшему следователю Варваре Сергеевне Самоваровой, которая и сама переживает непростые времена. В романе ярко и эмоционально выписана история давнишней, выжигающей все вокруг себя страсти. Могла ли такая страсть довести до преступления? Или все обстоит гораздо проще, и исчезнувшая – женщина с расшатанной психикой, которой место в психлечебнице?.. Все это – в новом психологическом триллере Полины Елизаровой «Картонные стены».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161982-4

© Полина Елизарова, 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

1	7
2	8
3	10
4	12
5	13
6	14
7	16
8	17
9	22
10	24
11	30
12	32
13	35
14	38
15	43
16	45
17	48
18	51
19	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Полина Елизарова

Картонные стены

© Елизарова П., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

Из дневника Алины Р. 17 апреля

Когда они вошли в дом, мне показалось, что даже тополиные пылинки, похожие на крошечные комочки ваты, замерли в воздухе и осторожно, будто не смея нарушить мою радость своими хаотичными перемещениями, начали оседать на полу и мебели.

Конечно, они уже раз сто успели поругаться в дороге. До меня донеслись две фразы: «Перестань гнать, у меня кружится голова», – и: «Помолчала бы, не говори водителю под руку».

Но все это было неважно, потому что поправимо.

Потому что они были вместе, живые.

Это снова был напичканный снотворным сон.

Но в том параллельном и более чем реальном для меня мире, при всей его тревожной недосказанности и вторых смыслах, мне давно уже несопоставимо лучше, чем в этом, куда я вынуждена возвращаться ради Тохи, а теперь еще и из-за того, что хочу освободиться от навязчивых мыслей о В.

Как было бы хорошо, если бы он сдох.

2

– Я вот одного понять не могу, Валер, с чего ты взял, что мне так уж интересно копаться в чужом грязном белье?

Варвара Сергеевна Самоварова, в длинном бархатном халате винного цвета с широким поясом, подчеркивавшим ее тонкую талию, пыталась навести порядок на столе. Терраса, густо увитая плющом, была пристроена к основному дому еще предыдущими владельцами, у которых семья доктора в свое время удачно купила небольшой участок вместе с небольшим, но сделанным по уму домом. На террасе, как, впрочем, и во всем садовом товариществе, расположенном в лесистом, богатом на истории и на известные имена обитавших здесь когда-то жильцов, витал дух столь близкой сердцу Варвары Сергеевны старины. На ее взгляд, старина если и нуждалась в поновлении, то лишь в экстренных случаях, препятствовавших нормальной жизнедеятельности обитателей.

К ее ногам упорно ластился американский керл по кличке Пресли, единственное живое существо, которое Самоварова забрала с собой в новую жизнь. Прочее материальное ее наследство состояло из потертой джезвы, двух тефлоновых ковшей, кое-какой одежды и изящной серебряной пепельницы.

После вечерних упражнений на столике остался ноутбук. Там же стояли в мельхиоровых подстаканниках два хрустальных стакана с недопитым травяным чаем. Маленькие изумрудные глазки богини, восседавшей на пьедестале в центре серебряной пепельницы, искрились презрением – полость под ее ножками была с вечера полна окурков. Еще на столике лежали исчерканные листы, на которых Самоварова, прежде чем перенести на белый компьютерный экран, запечатлела одной ей понятные схемы.

– Когда включаешь этот тон, ты становишься старше лет на десять, – буркнул Валерий Павлович, нетерпеливо дожидавшийся с подносом в руках, когда стол наконец можно накрыть для завтрака. Он уважал причуды любимой (с некоторых пор она решила попробовать себя в писательском ремесле), но не терпел беспорядка.

– Хам! – ответила Самоварова, впрочем, без всякой злости: аромат свежесваренного кофе, тянувшийся из кофейника, успел настроить ее на позитивный лад.

Через несколько минут на столе с грехом пополам было прибрано, и Валерий Павлович выгрузил с подноса пузатый керамический горшочек с кашей, ложки, тарелки и хлебницу, в которой золотились купленные с вечера в одной из лучших кондитерских города и только что подогретые в микроволновке круассаны.

За время, прожитое с Валерием Павловичем, Самоварова приучила себя есть медленно и не болтать за едой о делах.

Когда с завтраком было покончено, она откинулась на спинку старого плетеного кресла. Из кармана халата достала обтянутый темно-зеленой кожей портсигар, набитый самокрутками, подарок полковника Калининой.

– Давай еще раз, по порядку. Не смотри на меня так, клянусь, это первая папироса!

– Почему я смог, а ты не можешь?

– Потому что это для тебя проблема, а для меня – по-прежнему – удовольствие.

– И трахеит тоже?

– Ну... Это издержки. Лучше подлей мне кофе.

– М-да... Психиатрия перед твоими аргументами бессильна. Если коротко, то обещали разместить на высшем уровне. На участке имеется прекрасный гостевой домик со своей кухней и – внимание белоручек! – посудомоечной машиной. Само собой, с душем и санузлом. Все это в хорошем коттеджном поселке. Судя по фото, лес там не хуже, чем наш.

– А что у них с жасмином? – Варвара Сергеевна выпустила изо рта щедрую порцию дыма и придвинула к себе кувшин с набранными перед завтраком веточками умопомрачительно благоухающего кустарника.

– Так он сейчас везде, – пожал плечами Валерий Павлович. – И жить ему осталось совсем немного.

Самоварова огорченно поморщилась и вытащила из кувшина ветку:

– Спасибо, капитан Очевидность, можно было и не напоминать... А что насчет Пресли?

– Варя, поверь, это был мой первый вопрос! Все ок. Собаку они завести, к счастью, не успели. Так что будет у нашего чудовища шанс познакомиться с подмосковными мышками.

– Угу... Гладко стелют, да, боюсь, жестко спать.

– С чего ты взяла?

– Интуиция.

– А мне интуиция подсказывает, что за сегодняшнее утро это уже не первая твоя папи-роса!

– Когда включаешь этот тон, ты становишься старше лет на двадцать.

«Наконец-то!» – едва заметно улыбнулся Валерий Павлович.

В последнее время поведение любимой стало его настораживать. Нет, боже упаси, и речи не могло быть о диагнозе, которым ее травили несколько лет назад сумасшедшие доктора из ведомственной клиники. Никакой шизофрении здесь не было и быть не могло. Но его подруга обладала особой настройкой чувствительности и, как маленький приемник, ловила в пространстве чужие и далеко не всегда позитивные волны. Каким-то непостижимым образом она принимала в себя энергию событий. Если допустить существование временной спирали с неразрывными прошлым и будущим, она была скорее приемником, путем случайной (или неслучайной?) выборки выхватывавшим нечто, приходившее к ней через сны.

В том была ее исключительная особенность и одновременно его профессиональное поражение: объяснить данный синдром, дать ему медицинское истолкование Валерию Павловичу так и не удалось. А потому он был только рад, что любимая начала сублимировать эту свою особенность в творчество. То, что она писала, было путанным и странным, так что он не верил в существование издателя, которого могли бы заинтересовать ее опусы.

Примерно неделю назад Валерий Павлович почувствовал, что Варвара Сергеевна стала «зависать».

Внешне почти ничего не изменилось, поведение ее было обычным, речь осмысленной, но лишенной обычного сарказма. Словно время от времени она перемещалась в другое измерение, вход в которое был для Валерия Павловича закрыт. И то, что она там «слышала» или «видела», отнимало существенную часть ее энергии. И тогда обычно живой, лукавый взгляд вдруг становился похожим на взгляд больного, утомившегося прогулкой или общением.

И вот вчера к ним прилетело...

Лучший друг его сына, Андрей Филатов, обратился к нему с необычной, из ряда вон выходящей просьбой.

– Ладно. Если помнишь, перевозка сломалась, а кое-кто так и не удосужился ее починить.

«Значит, все-таки едем». Валерий Павлович не знал, радоваться ему или огорчаться от того, что она решила принять необычное приглашение.

Но он искренне хотел помочь Андрюшке, харизматичному белобрысому троечнику, сумевшему к двадцати годам открыть собственную компанию, а затем вдруг резко сменившему курс: устремившемуся по стопам отца и теперь вот попавшему в скверную ситуацию.

3

Из дневника Алины Р. 18 апреля.

Почти семь лет спустя я снова позволила впустить в себя то, от чего так отчаянно закрывалась все это время.

Я не просто начала вспоминать об этом, а минуту за минутой, действие за действием, стала складывать отжившее в пазл, состоящий из моих вен, артерий, крови, да, сука, боли!!!

Предчувствие? Шизуха?

Что за херня?!

Но почему? (

Так хорошо, как сейчас, в моей жизни не было никогда.

А «хорошо» в ней не было в принципе.

С того я и решила вести дневник...

Мысль о нем посещала меня давно, но что-то останавливало: то ли суеверие, то ли лень, то ли страх, что рано или поздно его найдет мой вездесущий Андрей.

Но сейчас, чувствую, мне это жизненно необходимо, чтобы попытаться анализировать то, что со мной происходит.

Примерно полтора года назад мы купили дом.

Это случилось осенью. Кажется, в самом конце сентября, но точная дата известна только Андрею, а еще она значится в документах на собственность. Я не люблю документы. Цифры, обозначения – от них веет моргом и кладбищем. А вот Андрея я все еще люблю, хотя он вечно чем-то занят, и ему не до меня.

За зиму мужу удалось рассчитаться по кредиту, а по весне, когда еще не до конца исчез поганый мартовский снежок, понеслось...

И моя долгоиграющая зимняя радость быстро сменилась самым настоящим ужасом.

Вместо домика мечты, который мы с Андреем частенько, засыпая, обсуждали, передо мной возникла огромная бетонная коробка!

Вода, электричество и даже газ были уже подведены управляющей компанией поселка, но обои на бетонные стены не приклеишь, да и сколько здесь потребуется обоев, километры?!

Под ногами стелилась мелкая серая пыль, на которой то тут, то там валялись забытые строителями обрезки бруса или арматуры и обломки кирпичей.

С первого на второй, а затем на третий, мансардный этаж, можно было попасть по шатким деревянным лесам. Того и гляди – потеряешь равновесие, поскользнешься и в лучшем случае отделаешься переломом.

Когда мы долезли до мансарды, муж ободряюще хлопнул меня по попе и сказал: «Милая, это тебе! Мой вклад – бабки, твой – работа».

Я должна была выполнить задание из серии: «Поди туда – не знаю куда, найди того – не знаю кого», – и довести весь этот ужас до состояния дворца, пригодного для жизни класса «люкс».

Ладно, хотя бы класса «бизнес»...

У Михалыча сегодня днюха)

Мы с Жанкой подготовили свой вклад: две бутылки хорошей водки, зелень и рыбу, банку огурчиков и большой кусок колбасы.

Шашлык за бригадой.

Подробности ремонта в моей истории очень важны именно потому, что так хорошо, как в этот последний год, повторюсь, мне не было еще никогда.

4

Отец Андрея, Андрей Витальевич, много лет занимал солидные государственные посты. Валерий Павлович с ним никогда не соприкасался, но по рассказам сына и самого Андрея у него сложился психологический портрет типичного чиновника: это был пропадавший сутками на службе карьерист с тяжелым характером.

Вероятно, поэтому Андрюшку-мелкого так тянуло в дом друга, хотя многое, если не все, было в нем неправильно.

Отсутствие в доме матери компенсировала закрывавшая глаза на шалости мальчишек бабушка с ее знаменитыми блинчиками, а позже, когда мальчишки окончили школу и предались первым юным загулам, – с рассолом, борщом и спасительной стопочкой домашней самогонки.

Андрей был умен и, что особо привлекало в нем Валерия Павловича, с самого детства мыслил свободно, словно демонстрируя, что он – полная противоположность своему «рамочному» отцу. Частенько, пока сын плескался в душе или копошился в своей комнате, Валерию Павловичу удавалось поболтать с Андрюшкой наедине.

Что в школе, что в институте тот был нацелен не столько на отметку, сколько на получение знаний и опыта.

«Далеко пойдет паренек», – думал про себя Валерий Павлович, глядя на тонкокожее, в легких веснушках лицо.

Этими воспоминаниями он и поделился с Варей, пока «Сапсан» нес их из Петербурга в Москву.

Но про исчезнувшую Андрюшкину жену, кроме имени, ему не было известно ровным счетом ничего.

Лет десять назад Андрей забросил питерский бизнес, переехал в столицу и по протекции отца начал строить карьеру в крупной государственной компании.

Затем, по слухам, оброс связями и снова ушел в свободное плавание, ловко маневрируя между частными предпринимателями и жадными до их денег госслужащими.

Виделись они теперь с сыном Валерия Павловича редко, раза два в год.

Лешка, ушедший «на частные хлеба» по компьютерной части, по-прежнему считал Андрея лучшим и, пожалуй, единственным другом, подозревая, что новые приятели дружат с ним лишь исходя из соображений взаимной «нужности» или по каким-то иным, шкурным интересам.

Несмотря на то, что Андрей не пригласил лучшего друга на столичную свадьбу, несмотря на серый, не соответствовавший его авантюрному характеру строгий пиджак, в котором он «повисал» на экране Лешкиного компа, когда они общались по скайпу, несмотря на запоздалые поздравления с днем рождения, Лешка, в данный момент путешествовавший с девушкой по Дальнему Востоку, горячо попросил отца помочь попавшему в беду другу.

Как только удалось подключить телефон к вайфаю поезда, Варвара Сергеевна тут же полезла в любимую соцсеть. Она попыталась по имени исчезнувшей девушки и фамилии ее мужа найти там кого-то, кто подходил бы под сбивчивое описание, данное Валерием Павловичем с чужих слов.

За четыре часа она так никого и не нашла.

5

Из дневника Алины Р. 20 апреля.

Я много слышала об эксцентричности модных дизайнеров, но такого чуда в перьях не ожидала!

Переговорив с женами приятелей Андрея, я пришла к выводу, что дизайнер – это необходимый первый шаг в моем новом большом проекте.

Креативного и относительно недорогого мне порекомендовала гражданская жена Краба, одного из толстосумов, которых без зазрения совести вот уже пару лет доит мой благоверный. Тварь она, конечно, редкостная, но по части вкуса и бытовой хватки равных ей в нашем окружении нет.

Так появилась дизайнер по имени Жасмин.

В тот период времени, о котором не люблю вспоминать, моя Жанка звалась Клеопатрой, но тогда это было оправданно...

Никакой хотя бы отдаленной ассоциации с нежным дурманным цветком эта чудная, без возраста, деваха не вызывала.

Розовая патлатая челка, сбритые, как у призывника, волосы на затылке, на запястьях – причудливые тату, одетая в бесформенные хламиды, за которые она, как пить дать, отваливала на распродаже в каком-нибудь «Граффике» или «Le forme» приличные деньги.

Жасмин ездила на стильном джипе «Wrangler» и, даже из вежливости не спрашивая у окружающих разрешения, курила крепкие мужские сигариллы. Если бы не морщины, волнами рассекавшие лоб, если бы не заметный птоз нижней части лица, при правильном освещении ей можно было бы дать не больше тридцатника. Но когда мы встречались по утрам (особенно в понедельник), ее уставшая, со следами бурно проведенных выходных мордила тянула и на полтинник.

Посмотрев еще двух дизайнеров, активно претендовавших на эту роль, я все-таки остановилась на ней, потому что Жасмин, несмотря на имидж городской сумасшедшей, произвела на меня впечатление крепкого профессионала.

И я не ошиблась.

Выехав с электронной рулеткой и планшетом пару-тройку раз на объект (как на своем профессиональном жаргоне она окрестила наш дом), Жасмин представила нам в пухлой папочке проект и прислала на почту файл, где мы с мужем смогли увидеть ее задумки в 3D.

На мониторе это выглядело потрясающе!

Даже не верилось, что наш угрюмый монстр из кирпичей и бетона всего через год может превратиться в нарядного, гостеприимного принца.

Андрей сказал, что дизайн-проект, в котором доминировали натуральные материалы и благородные пастельные тона отделки, ему нравится, но подчеркнул, что ставка на Жасмин и претворение этого проекта в жизнь – теперь уже чисто моя ответственность.

И меня охватила настоящая паника!

Ведь нам с Жасмин предстояло приступить к конкретной, не виртуальной работе.

А для этого нам нужен был прежде всего кто?

Угадали, хороший прораб.

6

В Москве на платной стоянке Ленинградского вокзала Валерия Павловича и Варвару Сергеевну встречал обещанный Андреем водитель.

Черт знает, в какой дыре откопали этого чернявого колобка: впечатление было такое, будто в недавнем прошлом Равшан пас в ауле коз.

Когда им с трудом удалось покинуть стоянку, выезд из которой перекрыли «ка-азлы», воевавшие с автоматом, который не принимал к оплате кредитки и пятитысячные купюры, а потому хаотично побросавшие перед шлагбаумом свои машины, Самоварова попыталась затеять с азиатским толстячком беседу и начала с самого простого:

– И давно вы у Андрея работаете?

– Э... Андрэй, это кто такой?

– Вероятно, тот, кто вас сюда отправил, – бросил Валерий Павлович, не отрывая глаз от виртуального преферанса, в который уткнулся, едва сев в расхлябанный «хэндай». Доктор использовал этот ход всякий раз, когда не имел возможности влиять на ситуацию и не хотел из-за этого психовать.

– А... Андрэич! Но я на этого бэ-э-са не работаю, – обиженно уточнил Равшан. – Он попросил меня встретить, заплатил... Я в ихнем паселке теперь начальник, вон какой тачк у меня, – похвастал таджик и с гордостью похлопал правой рукой по рулю. Старенькую машину тут же повело влево.

– Эй, начальник, ты лучше за дорогой следи! – не сдержавшись, рявкнул на него Валерий Павлович.

Но Самоварова не отставала.

– Так. Но почему же бэ-э-са?

– А... – широко и неопределенно махнул теперь уже левой рукой Равшан, но руль на сей раз удержал.

– Знаете, я понимаю, о чем вы, и даже скажу больше: со многим согласна. Так эти столичные жители распустились – дальше ехать некуда. Девки ходят полуголые, только и осталось, что в одних трусах разгуливать, а мужчины...

Воображение Равшана тут же среагировало на «девок в одних трусах». Он повернул голову к боковому окну, мимо которого как раз проплывали две молодые, в коротких летних платьицах красотики, и машина резко подпрыгнула, проскочив «лежачего полицейского».

– Варь, может, вы смените тему, а то нам скоро дальше ехать будет некуда! – Валерий Павлович недовольно сунул телефон в карман пиджака и приоткрыл крышку дорожной переправки с сидевшим в ней перепуганным котом.

– Не-а, Алинка у него хорошая! Здравствуй-пажаласта, всегда улыбается... Не видел тока давно.

– Что так? В отпуск уехала?

Равшан с недоумением скосил свой блестящий черный глаз на Самоварову.

– Отдыхать... От работы, – терпеливо пояснила она.

– Э... Какой отда-ах? У этих вся жизнь отда-ах! Бабки есть – в самолет и лети куда хочешь... Отда-а-х им от работы! – нервно хохотнул таджик. – Можит, заболэла или... – Равшан оторвал от баранки обе руки и попытался изобразить большой живот.

К счастью, в этот момент зажегся красный свет, и он тут же затормозил.

– Варвара Сергеевна, вам не кажется, что вы не с тем субъектом практиковать начали? – снова встрял Валерий Павлович.

– Валерий Павлович, не тех субъектов не бывает. И пожалуйста, раз уж вы втянули меня в эту авантюру, не мешайте вести беседу с приятным человеком.

Последнюю фразу Равшан прекрасно понял, и его круглое лицо расплылось в довольной улыбке.

– Мне завтра гражданство российское дадут, иду палучать! – расправив широкие плечи, тут же похвастал он.

– Угу... Потом догонят и еще раз дадут, – негромко хмыкнул с заднего сиденья Валерий Павлович.

– Че твой муж сказал? – переспросил у Варвары Сергеевны Равшан.

– Поздравил, – не поведя бровью, улыбнулась она.

Бывшему следователю Самоваровой, вначале уединившейся в своей питерской, в центре города квартире, а после сбежавшей в тихий загородный рай, московская кольцевая автодорога показалась настоящим адом.

В изрыгавшей выхлопы душегубке, как в бане, все были равны: и брутальный воинственный «Гелик», нетерпеливо поджимавший их сзади, и убогая «Ока» с инвалидным знаком на заднем стекле, что тащилась впереди. Со слов чернявого коlobка, им еще повезло, потому что ближе к девяти вечера огромная пробка начала рассасываться. И когда они наконец выбрались на скоростную трассу, Равшан, к восторгу Варвары Сергеевны и тихому ужасу затаившегося в дорожной перевозке Пресли, разогнал свое корыто почти до ста двадцати километров в час.

Минут через двадцать, когда едва живой, купленный Равшаном за «двести тысяч кровных рублэй» «хэндай» въехал в коттеджный поселок с оригинальным названием «Сосны», Самоварова уже знала, что Андрей не занимается ремонтом, не общается с работягами и редко бывает дома. Второй год подряд всем заправляет улыбчивая и деятельная Алина вместе с закадычной подружкой Жанной, а последняя, выясняя с кем-то отношения по мобильному, «трясет то-о-лстая жопа», мешая работать нормальным людям.

7

Из дневника Алины Р. 22 апреля.

Андрей считает, что наш прораб Ливреев – дурак.

Я же как женщина вижу его иначе. А что до моего мужа – так у него дураки почти все, ведь люди в его окружении делятся на две категории: первых он «доит», вторым «заносит».

Ливреев же принадлежит к тому типу неисправимых развратников, которые, мимикрируя под честных отцов семейств, оставляют за собой пожизненное право на необременительный левак. Это я поняла при первой же нашей встрече. Таких выдают масляные глазки, нацеленные на сближение расхожие словечки и маленькие, едва уловимые жесты, незаметные мужикам, но мигом отзывающиеся в нас, бабах.

Я не стала расстраивать лучшую подругу, не пыталась убедить ее в том, что он и со мной поначалу был «не против», рассказать, как стремился ненароком встать поближе и словно случайно задеть рукой, не вкладывая в этот захват чужой территории ничего, кроме ненавязчивого желания украсить свою приевшуюся сытую жизнь. Во всем этом так и читалось: «Вы несказанно хороши, но если что – не я это предложил. А че такого?! Развлеклись бы для начала, а потом и денежки на стол, ведь для меня главное – работа».

Подобный тип мужиков мы с Жанкой (ох она и дура!) частенько встречали в нашей прошлой жизни. В компании они всегда на позитиве, искрят шутками, стараются побольше выпить и поменьше заплатить, а при общении с телками все надеются получить за копейку канарейку.

Уверена, что сальные, кишачие комплексами свингеры, о которых много пишут в инете и которых мало кто видел воочию, принадлежат именно к этой несложной породе людей.

Впрочем, надо отдать должное его сермяжному умишке – Ливреев быстро почувствовал, что я не поведусь, и тут же спедалил наше общение в формат рабоче-дружеского. Любой гемморрой с тем, кто платит, ему точно не нужен.

Как-то в разговоре с ним я полушутя сказала, что между нами стоят немалые бабки. А потом с горечью подумала, что «бабки» были и будут между мной и мужиками всегда.

Но справедливость все же есть. С началом стройки мяч оказался на моей стороне. Бабки-то мои! Кто платит – тот и заказывает музыку.

А танцевать меня не надо, я свое отплясала.

Словом, к середине марта прошлого года в моей команде были уже трое: прекрасная я, чокнутая Жасмин и развеселый, рассчитывающий хорошо заработать на нашем «объекте» Ливреев.

8

Июньское утро редко бывает приятно прохладным – либо зябко, дождливо, либо слишком солнечно и душно.

Варвара Сергеевна, распахнув настежь окно, невольно улыбнулась. Утро было таким, словно она сама его с вечера заказала: свежо, но тепло, а в прозрачном июньском воздухе щедро разлились ароматы сочащегося молодой зеленью цветущего сада. Пышные маленькие облачка на нежно-голубом небе были похожи на сладкую вату – так и хотелось добыть чудо-лестницу, залезть по ней и откусить кусочек. Самоварова любовалась открывшейся из окна картиной, и скопившееся с вечера раздражение отступало.

Прежде чем снова грузить себя сложившейся ситуацией, она решила с полчасика кайфануть.

Уставший с дороги, да и чего греха таить – завязтый «соня» Валерий Павлович продолжал дремать, несмотря на ее тихое ворчание.

Самоварова, беззлобно чертыхаясь от многочисленных неудобств, которые испортили ей настроение накануне, перекинула через плечо мохнатое банное полотенце и отправилась в душ.

После, распаковав лежавший посреди комнаты чемодан, облачилась в удобный спортивный костюм. Выпив воды из бутылки, прихваченной из поезда, подошла к плите.

«Пока Валерка дрыхнет, можно и кофейку натошак. Поездка – это стресс... а значит, в качестве исключения, простительно».

Великая вещь интуиция.

Несмотря на искреннее недоумение Валерия Павловича, она сумела в последний момент сборов подпихнуть в чемодан свою любимую джезву и пакетик молотого кофе.

И оказалась права.

Шкафы гостевого домика оказались издевательски пусты. Возле раковины стояла одна, случайно забытая кем-то изящная фарфоровая чашка, из которой торчала чайная ложка.

М-да...

Андрей нуждался в их помощи, но не сделал почти ничего, чтобы «дорогие гости» смогли ощутить его хотя бы мало-мальскую заботу... Кроме чистого комплекта постельного белья и парочки банных полотенец в домике не было элементарного: ни питьевой воды, ни сахара, ни того же кофе или хотя бы дешевого пакетированного чая.

Да и сам домик, красочно расписанный Валерием Павловичем, оказался небольшой, метров в пятьдесят, обшитой изнутри вагонкой конурой со скрипучими полами из лиственницы, выкрашенной в едко-зеленый, навевающий мысли о больнице цвет.

При входе имелась небольшая прихожая со скопищем старых курток на вешалке, откуда можно было попасть в комнатку с унитазом, раковиной и узкой, изрядно обшарпанной душевой кабиной. В кабине сморщенным одолжением лежал кусок растрескавшегося, прилипшего к хлипкому держателю мыла.

Вторая дверь в прихожей вела в жилое помещение, выполнявшее роль кухни и спальни одновременно. Под окнами, смотревшими на большой хозяйский дом, стояла грубоватая, но не лишенная очарования двуспальная железная кровать-новодел в стиле начала прошлого века, а напротив кровати жался к стене дешевый и безликий кухонный гарнитур. Прямо на столешнице, рядом с двухкомфорочной газовой плитой, стояла обещанная Валерием Павловичем посудомоечная машина. Судя по размерам, в нее могли влезть пять-шесть тарелок, пара чашек и небольшая кастрюля.

Самоварова вздохнула и подергала расхлябанный, ответивший сердитым плевком воды смеситель. Затем разобралась с плитой. Под мирное сопение любимого, упорно не желавшего просыпаться, наконец сварила себе кофе.

Эх... На кой же черт их сюда занесло?!

Мотало ее в последние несколько дней, то ли тревожно было, то ли тоскливо, сны дурацкие снились, сюжет в давно задуманном романе никак не складывался, вот и подумала: неплохо сменить обстановку, отвлечься...

Толкнув плечом тугую, разбухшую за зиму и дождливую весну дверь, Варвара Сергеевна с чашкой в руках вышла из домика.

Гостевая хибара располагалась позади хозяйского дома, в дальнем углу большого квадратного участка. За хибарой возвышался соседский высокий, глухой забор.

Самоварова осмотрелась. Вчера, с дороги, ей было не до того.

Участок был зелен, но неопрятен – тут и там красовались оставленные строителями следы: облицовочные кирпичи, разномастные камни, арматура, доски. На брусчатых лесах, вплотную придвинутых к фасаду хозяйского дома, стояла здоровенная банка с краской.

По узким деревянным настилам, заменявшим непроложенные дорожки, Варвара Сергеевна направилась к большому дому. С северной стороны он имел вытянутую прямоугольником открытую оштукатуренную под отделку террасу с колоннами.

Прикрыв рукой чашку с горячим кофе, она преодолела несколько бетонных ступенек и оказалась на террасе.

В углу притулился большой колченогий икеевский стол, видимо, за ненадобностью привезенный хозяевами откуда-то еще. На столе, покрытом изрезанной цветастой клеенкой, стояла большая банка недорогого растворимого кофе, вокруг сгрудились разномастные чашки, ложки и хромированная подставка соль-перец. Вдоль стола расположились самодельные лавки. На одной из них, прижавшись к стене, стояла стеклянная банка, под завязку наполненная окурками.

Судя по всему, здесь с наступлением тепла трапезничала и делала перекуры бригада рабочих.

Сверху, с мансардного этажа, отчетливо доносились то скрежещущие, то сильные звуки: там как раз работала бригада.

Вчера ни с кем из рабочих и даже – что самое неприятное – с хозяином дома им познакомиться не удалось.

Филатов приехал со службы ночью, о чем предупредил Валерия Павловича эсэмэской, когда они вытаскивали чемоданы из багажника Равшановой колымаги.

У ворот их встретила подруга пропавшей хозяйки. Даже ради приличия не пригласив гостей заглянуть в основной дом, Жанна сразу отвела их в гостевую хибару.

Правда, от ужина они сами отказались: перекусили в поезде и с некоторых пор старались не есть после семи вечера.

За показной любезностью этой «распоряжайки» (как тут же окрестила ее про себя Варвара Сергеевна) улавливалось плохо скрываемое раздражение.

С чего бы?

Эта высокая, дородная молодая женщина лет тридцати пяти держала себя с ними так, словно именно она была здесь хозяйкой, хоть и не слишком радушной.

На случай, если что-то вдруг понадобится, Самоварова обменялась с ней номерами телефонов и с облегчением закрыла за Жанной дверь.

Варвара Сергеевна оглядела недоделанную террасу – тоскливый, пепельно-серый цвет стен скрадывал все краски чудесного утра. Прежде чем вытащить из порстигара первую самокрутку, она решила отыскать здесь местечко поуютнее.

Сверху отчаянно визжала то ли болгарка, то ли еще какая дребедень... Уж в чем в чем, а в тонкостях ремонта она была не сильна.

Покинув террасу и еще раз внимательно осмотрев участок, Самоварова обнаружила дивный уголок – в тени яблонь, жасмина и уже увядшей сирени была оборудована курилка – небольшая чугунная лавочка, рядом – чугунный же столик со стоявшей на нем керамической пепельницей.

Жанна вышла из дома с черного хода.

Она глядела в телефон, и на ее лице блуждала загадочная улыбка.

«Такую улыбку ни с чем не спутаешь. Так нежно и мечтательно, будто художник мазнул акварелью, может улыбаться только по уши влюбленная женщина, причем в том случае, если, цепляясь за остаток разума, она пытается скрыть это от окружающих», – отметила про себя Самоварова.

– Утро доброе! – нарочито громко поздоровалась Варвара Сергеевна.

От неожиданности Жанна вздрогнула и прижала мобильный к груди. Затем быстро сунула его в карман черного худи и нацепила на лицо отстраненно-серьезное выражение.

– Доброе, – не слишком любезно ответила она.

– Поговорить можем? – вежливо поинтересовалась Самоварова. На столике уже лежал ее зеленый портсигар и стояла чашка с еще горячим кофе. – Курите? – И Самоварова дружелюбно подвинула женщине портсигар.

Проигнорировав попытку к сближению, Жанна достала из кармана узких спортивных брюк пачку «Парламента». Щелкнула зажигалкой, глубоко затянулась и только после этого, будто делая одолжение, присела на лавочку рядом с гостьей.

Повисла глупейшая пауза, за время которой Варвара Сергеевна попыталась осторожно, уже при ярком утреннем свете, рассмотреть эту колючку.

На руках у нее был яркий свежий маникюр, но пальцы ног, выступавшие из маловатых для ее ступней шлепок на пробковой ортопедической платформе были, как у ребенка, ровно подстрижены под корень. На макушке, сквозь гриву окрашенных в жгуче-черный цвет волос, пробивалась едва заметная седина. В ушах – крошечные бриллиантовые гвоздочки, а тональный крем, густым слоем нанесенный на кожу, свидетельствовал о пренебрежении регулярными визитами к косметологу. И все же, несмотря на боевой раскрас, ее все еще по-девчоночьи угловатое лицо было миловидным. Такие лица притягивают мужчин.

Прежде чем закурить Варвара Сергеевна глубоко втянула в себя запахи утра: помимо жасмина, здесь был и еще не успевший раскрыть свои соцветия шиповник, и лаванда, и хосты, и даже плетистая роза.

С вопросами Самоварова решила не торопиться.

Она хорошо чувствовала, что Жанну раздражает от каких-то глубоко личных и, возможно, вовсе не связанных с исчезновением подруги эмоций. Стремясь прорваться наружу, они делали ее уязвимой, и потому важно было не напугать ее напором, а попытаться расположить к себе.

– Откуда столько зелени? Вроде бы новостройка, а сидим будто в саду с картинки. Когда хозяева успели насадить здесь такую красоту?

– Многие предыдущие хозяева успели посадить, а что-то было посажено застройщиком в качестве бонуса для будущих жильцов. Например, вон те крупномеры.

– Значит, Филатовы – не первые хозяева этого дома? – искренне удивилась Варвара Сергеевна.

– Большого дома – первые. Предыдущие купили участок с бетонной коробкой, себе поставили временный гостевой домик, где вы остановились, ну а до большого дома у них руки не дошли, вынуждены были срочно продать.

– Странно... Такое прекрасное место. Что-то произошло?

– А что у нас в стране происходит? Одни закрывают бизнес других за неуплату налогов и прочую хрень, а потом эти борцы с коррупцией покупают их дома, их машины и их баб, – неожиданно зло вырвалось у Жанны.

– Вы сейчас кого-то конкретно имели в виду? – осторожно спросила Самоварова.

– Какая разница? Конкретно – не конкретно, разве это что-то меняет? – раздраженно махнула рукой распорядка. – Это Россия... А конкретно у этого места не слишком хорошая карма. Алинке надо было сразу поинтересоваться, но желание свалить из города и поскорее стать хозяйкой большого дома ее ослепило.

– И все же, по первому впечатлению, место очень хорошее... Была ли у Филатовых альтернатива?

– Не знаю, не видела.

И Жанна, будто вспомнив о чем-то болезненном, некрасиво сморщила лицо.

– Ну... Я подумала, раз вы так дружны с Алиной, что даже живете здесь, она могла посоветоваться с вами, прежде чем принять столь ответственное решение. Целый дом купить, да еще та-а-кой, – это посерьезнее, чем машину...

– Как раз благодаря этому дому мы и возобновили наши отношения. – Она быстро и остро, будто взвешивая, опасно откровенничать или нет, кольнула взглядом Самоварову.

И Варвара Сергеевна, будто маслицем смазывая предстоящий ход беседы, пустилась в пространные рассуждения о том, что дружба – редкий дар и настоящий друг дается не каждому, что, как бы обстоятельства ни крутили людьми, друг – он потому и друг, что такие глупости, как время или, например, когда-то случившееся недопонимание над истинной дружбой не властны.

Жанна не без интереса прислушивалась к этой патетике и изредка слегка кивала.

Когда в чашке осталась одна гуща, размазавшаяся по стенкам, Варвара Сергеевна сощурилась и заглянула в нее, а затем придвинулась вплотную к соседке:

– Что-нибудь видите?

Распорядка пожала плечами, но лицо ее выражало любопытство:

– А вы?

– Вот, посмотрите... Будто силуэт девушки, да вот он, видите?

Жанна кивнула и перехватила рукой чашку:

– Можно? Действительно... И кажется, что девушка находится внутри... как будто костра.

– Я бы сказала, что костер под ней, а на уровне ее туловища лишь тонкие и длинные язычки его пламени.

– Это чашка Алинки. Где вы ее взяли? – неожиданно выхватив чашку из рук Самоваровой, зло спросила Жанна.

– В домике, у плиты. Уж извините, других там не было, – с нарочитым сарказмом в голосе ввернула Варвара Сергеевна.

Жанна вдруг бросила чашку на землю и грубо вцепилась своими сильными пальцами в плечо Самоваровой. Ее трясло.

– Скажите, только честно, она жива?! – Ее голос был полон неподдельного отчаяния. – Андрей мне сказал, что вы ясновидящая!

– Это не так... Но милая, вы уж успокойтесь! Должна быть, жива. По крайней мере, никаких свидетельств чего-то иного никто не получал. В противном случае нас бы здесь не было...

– Андрею все по фиг, слышите! Для него люди – дерьмо! Если ему кто здесь и нужен, то только Тошка...

Выкрикнув это на одном дыхании, Жанна внезапно обмякла и тихо, по-бабьи, заплакала.

– Успокойтесь... Все образуется...

Не придумав ничего лучшего, Самоварова приобняла женщину и начала осторожно поглаживать ее широкую, сжатую спазмом спину.

Когда Валерий Павлович, потирая на солнышке глаза, показался на крылечке гостевого дома, Варвара Сергеевна затушила уже третью за утро папиросу и, ловя недовольное урчание внутри, вдруг вспомнила, что еще ничего не ела.

Минутами ранее, когда Жаннина истерика отступила так же внезапно, как и началась, женщины успели немного поболтать.

Варваре Сергеевне удалось выяснить, что подруги знакомы почти пятнадцать лет, когда-то вместе работали (быстро обойдя эту тему, распорядка не уточнила, где именно), а после Алининого замужества, особенно после рождения Антона, виделись редко.

На важный вопрос, почему исчезнувшая пригласила подругу пожить (и приглашала ли вообще?), Самоварова так и не получила внятного ответа – в Жаннин мобильный поступало сообщение.

Она быстро прочла его, и на ее губах опять появилась загадочная улыбка. Но Жанна тотчас взяла себя в руки и, будто оправдываясь, начала сумбурно объяснять Самоваровой, что ей необходимо встретить строительный материал.

Но прежде чем расстаться, Жанна пригласила их с доктором в большой дом на обед.

9

Из дневника Алины Р. 24 апреля.

Как-то один из многочисленных приятелей Андрея, из тех, средней руки чиновников, что нужны по работе, сидя с нами в шикарном ресторане и нахально дымя на меня весь вечер своим айкосом, заявил, что все без исключения прорабы – жулье и ворье, особенно те, кого привел дизайнер. На мой вопрос, кому набирать необходимых для ремонта нашего монстра работяг, кому их контролировать, поставлять тонны черновых материалов и следить за их качеством и качеством работ, он ничего внятного не ответил.

Павлин напыщенный!

Видала я таких когда-то, пачками. Одни понты. А тронь глубже – «голый Вася на матрасе» с недостроенным коттеджиком в пятидесяти километрах от МКАД.

И ведь не о квартире шла речь, а о пятистах квадратных, без учета террасы, метрах!

А еще, как выяснилось, на участке необходимо провести дренажные работы, не говоря уже о нуждающемся в подновлении экстерьеру успешного за несколько зим выцвести и дать кое-где трещины дома. А еще...

Впрочем, мой здравомыслящий муж и не думал прислушиваться к балаболу, и совсем скоро, утвердив с нами окончательную смету работ, на сцену бодрым шагом вышел прораб Ливреев, за спиной которого маячили выписанные из какой-то украинской глуши трое молчаливых и хмурых работяг.

Нам он их представил как лучших из тех, что были у него в резерве.

Сложно себе представить, как могут выглядеть остальные... (

С такого рода людьми я еще не сталкивалась.

Несколько первых наших встреч они не смели поднять на меня глаза и казались мне чуть ли не дикарями в своих сине-пыльных, навевавших ассоциации с арестантскими робама спортивных костюмах.

Но я старалась быть предельно дружелюбной.

Мне рассказывали, что обиженные строители могут в процессе ремонта и яйца в стену замуровать. Несложно догадаться, на какие мучения это обрекает глупых и жадных хозяев!

С детства отец приучил меня уважать любой труд. А потом уже я сама, там, куда занесла нелегкая, чуть не каждый вечер отчаянно про себя вопила: «Господа, вы же не скоты, да и я прежде всего человек!»

Но люди, увы, склонны видеть лишь образ, который мы сами, с умыслом или нет, упорно для них лепим... В том моем случае обижаться или негодовать было бы абсурдно.

Но я отвлеклась.

Мне далеко не сразу пришло в голову, что моя, по словам мужа, обезоруживающая прямолинейность могла быть расценена строителями как избалованность скучающей хозяйской жены, которой мужик сунул в руки пусть сложную, но крайне занимательную игрушку – Большой Ремонт.

Наверное, этим и можно объяснить тот напряг, проявлявшийся в жестах и словах, который первое время исходил от них при нашем общении.

Спеца по электрике Ваню, самого угрюмого мужика неопределенного возраста, кликали Дядей. Он был невысок ростом, сутул и карикатурно кривоног, а над его растянутыми трениками нависало нездоровое пуздо.

Второго строителя, племянника Дяди Вани, молодого парня лет двадцати, звали Колян. Ливреев, оправдывая его юный возраст, раз сто подчеркнул, что тот отлично кладет плитку и клеит обои, к тому же имеет редкий талант с ходу читать дизайнерские чертежи.

Бригадира, спеца по всему сразу, но особо – по сантехнике, женатого на сестре Дяди, самого смелого из них мужика лет сорока, звали по имени-отчеству – Иваном Михайловичем, а чаще просто Михалычем, но с оттенком неподдельного уважения (даже со стороны Ливреева).

Если его облагородить, отвести к дантисту – и стилисту, – мог бы получиться истинный мачо.

Бригадир всегда был собран и неразговорчив, так что меня не покидало ощущение, будто у него фи́га в кармане.

В каждом моем обращении к нему он будто угадывал подвох, хотя, в отличие от двух других, позволял себе даже (неожиданно для его угрюмого вида) от души рассмеяться в ответ на мой глупый или провокационный вопрос.

Одним словом, с марта прошлого года я несколько раз в неделю стала мотаться в наше еще страшенькое с виду поместье и с недоверием наблюдать, как эта украинская деревенщина, обложившись гипсокартоном, огромными мучнисто-серыми мешками с ротбантом и керамзитом, саморезами, молотками, пилами и ведрами с разведенной шпаклевкой, пытается превратить монстра в дом нашей мечты.

10

В большой прямоугольной столовой хозяйского дома, в противовес аскетизму гостевой хибары и хаосу, творившемуся на участке, было чрезвычайно красиво.

Как и в большинстве остальных помещений, здесь все было готово для комфортной жизни.

Тот, кто всем этим занимался, без сомнения обладал не просто хорошим – тонким вкусом.

Здесь не было ничего, что можно было бы назвать аляповатым или неуместным, кичливым или нарочито подчеркивающим статус хозяев.

За обманчивой уютной простотой скрывались серьезные вложения хозяйских денег и времени. Нежно-карамельные стены оттеняла безупречной работы тяжелая дубовая мебель, выполненная «под старину», рамы стеклянных, выходявших на две стороны окон были не из пластика, а из натурального дерева, выкрашенного в цвет кухни. Присборенные мелкими волнами воздушные «французские» занавески, крахмальное кружево скатерти и маленьких салфеточек, как и в меру затейливые, большие, в виде канделябров, потолочные и настенные светильники ассоциировались с временами, которых никто из хозяев и их гостей не застал.

Ну а пол, к особому восторгу Самоваровой, был паркетный, выложенный «елочкой».

Какой бы ни была эта неведомая Алина, Самоварова почувствовала к ней симпатию, будто родственную душу в толпе углядела, – она обожала этот стиль.

А вот и ее (чья же еще?!) большая портретная фотография на стене.

– Алина? – остановившись возле фото, кивнула она Жанне.

– Угу, – безо всяких эмоций ответила подруга пропавшей таким тоном, словно этот вопрос порядком ее утомил.

Что она испытывала к пропавшей все то время, пока они жили вместе?

Обыкновенную зависть? Но всего пару часов назад она так горько и искренне плакала, вцепившись в плечо собеседницы. А сейчас? Поди разбери эту распоряджайку...

Пока Жанна накрывала стол к обеду, Варвара Сергеевна, от помощи которой она категорически отказалась, получила возможность внимательно рассмотреть фотографию.

По общепринятому стандарту Алина не была красавицей.

Но, по мнению Самоваровой, фотографу удалось запечатлеть как раз истинную, хоть и нетипичную, красоту.

На фото хозяйка дома выглядела лет на тридцать, правда, лицо казалось слегка болезненным, как если бы молодая женщина недосыпала или изнуряла себя диетой. Хорошо очерченный, немного вытянутый овал, прямой, с небольшой горбинкой нос, живые натуральные губы. В больших темно-серых глазах светилась тревога вперемешку с невинным, как у ребенка, любопытством. Шатенка, прямые волосы уложены в высокую, в духе тридцатых-сороковых «ракушку». Серое строгое платье, а на контрасте с ним в ушах искрились крупные, ограненные сапфирами бриллианты.

Такой неоднозначный тип красоты либо заставляет мужчин насторожиться и отойти в сторону, либо надолго пленяет. В памяти Самоваровой всплыли учебники по криминалистике, в которых можно встретить практически любой тип лица, в том числе похожий на этот. Ей почему-то вспомнились черно-белые нечеткие фотографии канувших в Лету эсерок, искусных воровок, нечистых на руку куртизанок, тесно связанных с криминальным миром...

И вместе с тем из глубины этого необычного лица, будто шедевр через подделку на холсте, едва заметно проглядывала, а скорее – угадывалась какая-то непоколебимая, возвышающаяся над всеми земными страстями вера.

Сложно сказать, произвела бы фотография на Самоварову такое впечатление, если бы девушка не исчезла, а, например, задорно болтая о чем-то с подружкой Жанной, накрывала бы сейчас на стол...

И еще Варваре Сергеевне показалось, что это лицо ей знакомо. Размазанное в ее недавних, снова ставших беспокойными снах, нечеткое, едва уловимое и тут же исчезающее, теперь оно смотрело на нее с большого портрета, словно молча пытаясь что-то объяснить.

Улучив удобную минуту, Самоварова быстренько пересняла портрет на айфон.

Обедали втроем: Валерий Павлович, Варвара Сергеевна и Жанна.

У Тошки с няней, которых вновь прибывшие, как и хозяйина, еще не видели, был отдельный рацион – так объяснила распорядка. Они уже отобедали и теперь гуляли у реки.

За угощением, состоявшим из летнего салата и явно вчерашнего, неизвестно кем приготовленного и подогретого Жанной бефстроганова с картофельным пюре, Варвара Сергеевна успела разозлиться на Валерия Павловича.

– Странно пировать в отсутствие хозяев, – не успев сесть за стол, тут же брякнул он.

Жанна пожала плечами:

– Вы же вроде близкий Андрею человек... Он звонил, просил сделать так, чтобы вы чувствовали себя как дома, просил надолго вас не бросать, – усмехнулась она.

– Хорошо хоть памперсы нам менять не надо, да? – тем же тоном ввернул Валерий Павлович.

Но шутка не прошла.

В доме невидимым, но душным, темным покрывалом, запрещающая шутки и смех, зависла тревога.

Жанна закончила приготовления к обеду и, махнув гостям рукой на предназначавшиеся для них места, плюхнулась тяжелой задницей на дубовый, с высокой резной спинкой стул.

– Что ж... Угощайтесь! Добро пожаловать! – с преувеличенным задором выдавила она.

Как только салат был разложен по тарелкам, распорядка, не притронувшись к еде, снова вцепилась в мобильный, который, видимо, не выпускала из рук даже во сне.

Удивленно, словно не понимая, кому они теперь здесь служат, застучали серебряные ножи-вилки, высокие матовые стаканы на изящных крученых ножках недовольно наполнились водой.

Самоварова, проникшись симпатией к отсутствующей хозяйке, отметила, что для салата были предусмотрены отдельные небольшие тарелки, для горячего же – большие, тяжелые, с красивым цветочным орнаментом. И те и другие, равно как масленка и плоское, украшенное по бокам овальными витыми ручками блюдо для хлеба, были из одного прекрасного сервиза.

Видимо, здесь вошло в привычку принимать пищу за накрытым по всем правилам столом, и менять сложившийся уклад распорядка не стала или задумала это специально, таким невербальным способом пытаясь загладить перед гостями вчерашний нелюбезный прием.

Ковырнув салат, Жанна поморщилась и пошла искать в кухонных шкафах недостававшую на столе солонку. Варвара Сергеевна приподняла пустую тарелку Валерия Павловича. Оставшись, как и она, без завтрака, он успел уничтожить свою порцию недосоленного салата.

Так и есть, сервиз антикварный: на тарелке она увидела зеленое клеймо Торгового дома Кузнецова.

Когда салат доели, Жанна неловкими, неприученными руками большой серебряной ложкой разложила по тарелкам горячее. Присела на место и, будто опомнившись, попыталась затеять с Варварой Сергеевной подобие светской беседы.

Вопросы, заданные безучастным тоном, были самыми банальными: как доехали и какова погода в Северной столице.

Валерий Павлович, до того молчавший, промокнул рот салфеткой и вдруг выдал:

– Экая вы самоотверженная подруга! Все, значит, бросили – и сюда, на стройку? Насколько я понял, вы приехали задолго до исчезновения Алины и так и живете здесь...

Повисла пауза.

Распоряжайка, перестав изображать из себя светскую даму, отложила в сторону приборы и напряглась.

– Такие были обстоятельства, – ответила она скупно.

Но Валерий Павлович, проигнорировав многозначительный взгляд Самоваровой, продолжил:

– И как же к этому относится ваша собственная семья?

Лицо Жанны болезненно скривилось, как утром в курилке:

– Считайте, что я на работе.

– Так и мы, голубушка, вроде как на работе! Хотя и по большой дружбе... И в связи с этим предлагаю внести ясность в ряд моментов, которые, надо сказать, еще вчера вызвали у нас удивление...

Жанна нервно хмыкнула и вновь схватилась за мобильный. В ее взгляде на неодушевленный предмет горела яростная надежда, словно айфон мог разом освободить ее от вопросов ненужных гостей и еще от чего-то другого, неприятного и мешавшего жить. Повертев телефон в руках, она демонстративно глянула на большие настенные часы, висевшие напротив.

– И?! – Голос звучал уже хамовато.

Только тогда Валерий Павлович, сообразив наконец, что имеет дело с барышней неуравновешенной, слегка сбавил обороты:

– Нет, Андрюшка вчера предупредил, что дела служебные его задержат допоздна, но он, конечно, мог с утра почтить нас своим присутствием и кое-что разъяснить. А то мы с Варварой Сергеевной чувствуем себя так, словно попали в какой-то квест...

– Попросила бы не обобщать, – вставила Самоварова. Она была раздражена. Обычно простой и прямой в общении доктор зачем-то принял сейчас неуместный образ интеллигентного сноба. Может, столовое серебро оказало на него такое воздействие? – Что касается меня, то я чувствую себя отлично. Только вот Пресли успел уже придушить несчастного воробья. – И она внимательно посмотрела на Жанну.

На круглом накрашенном лице не отразилось ни ужаса, ни сочувствия, ровным счетом ничего, кроме сковавшего его напряжения:

– Серьезный у вас кошак, а с виду такой спокойный, – машинально пробубнила она.

И уже после, будто делая громадное одолжение, перевела колючий взгляд на Валерия Павловича и процедила:

– Андрей уехал из дома в семь. Уверена, вечером вы увидите, и он вам все разъяснит.

Но упрямец, несмотря на выразительные взгляды Варвары Сергеевны, и не думал сдаваться:

– А разве вы сами не можете этого сделать? Насколько мы поняли, вы близкая подруга пропавшей... И тоже должны быть в курсе всего!

Шваркнув стулом, Жанна встала и, жестом остановив Самоварову, выказавшую готовность помочь, принялась складывать в стопки грязную посуду. В мобильный постучалось долгожданное сообщение.

Когда она его прочла, агрессия, будто по мановению волшебной палочки, исчезла, и губ коснулась уже знакомая Самоваровой блуждающая улыбка.

– Так! Кофе мы будем пить на террасе! Там же можно и покурить! – И Жанна, неуместная в своей плохо скрываемой радости, заговорщицки подмигнула Самоваровой, проигнорировав вопрос Валерия Павловича и подытожив незадавшуюся беседу.

* * *

Ливреев был ленив душой.

Это вовсе не означало, что у него не было эмоций – напротив, они, словно кучка муравьев, копошились в нем и, опережая друг друга, так и стремились вырваться наружу.

«Типичное поведение невротика или нарцисса», – отметила про себя Варвара Сергеевна.

Но Жанна, с энтузиазмом расставлявшая нарядные кофейные чашки на убогом столе недостроенной террасы, этого, видимо, не замечала.

То нависая над Ливреевым своей большой налитой грудью, выглядывавшей из глубокого выреза майки, то нарочито поворачиваясь к нему обтянутой узкими спортивными штанами задницей, она вроде бы обращалась ко всем присутствующим, но ловила глазами только его взгляд.

«Вот наша девушка и проснулась», – улыбнулась Варвара Сергеевна, исподтишка наблюдая за ее суетой.

– Давно в строительстве? – с ходу спросил Ливреева Валерий Павлович и отмахнул от себя клубы табачного дыма, которым быстро пропиталась терраса. Не став дожидаться, пока сварится кофе, Самоварова, Жанна и только что подъехавший Ливреев уже успели закурить.

– У меня в этом деле огромный опыт.

– А поконкретней? Поделитесь? – Получив за обедом по носу от Жанны, психиатр решил сменить тактику. Теперь он говорил просто и дружелюбно, всем своим видом изображая искреннюю заинтересованность.

– Я был совладельцем одной строительной фирмы, – охотно пустился в откровения прораб. – Но грянул кризис, разбежались с партнерами, оказался не у дел. Долги, бандиты, предавшие друзья... Проснулся одним утром и понял, что, кроме машины и полбутылки французского коньяка, у меня ничего больше нет. Пришлось начать с нуля уже в одиночном плавании. Лет пятнадцать специализируюсь на люксовой отделке квартир и домов.

– Да, такое нередкое случалось... Девяносто восьмой?

– Именно, – кивнул Ливреев и протянул Валерию Павловичу руку. – Меня, кстати, Вадимом зовут.

– Валерий.

И они принялись обсуждать тяготы, выпавшие в тот период на долю наивных русских предпринимателей, в частности, самого Вадима.

Уж о себе-то, в отличие от Жанны, прораб поговорить любил!

Но за его обезоруживающей откровенностью, с ходу выплеснутой на едва знакомых людей, скрывалось намеренное замалчивание множества фактов, неудобных для образа благородного терпилы, отказавшегося воевать с бывшими друзьями. Проглядывало тут и снисхождение к распоряджайке, чью искреннюю радость в связи с его появлением он не заметит не мог, но намеренно игнорировал, лишь изредка бросая простреливающий взгляд на мелькавшие перед его носом прелести.

Варвара Сергеевна, быстро устав от ливреевской болтовни, вновь переключила внимание на Жанну.

Кофе, сваренный ею, оказался вкусным и крепким. Помимо кофейника и чашек все из того же прекрасного сервиза, распоряджайка притащила из дома пастилу в коробке и небольшую хрустальную вазочку, наполненную шоколадными конфетами.

Перестав наконец суетиться, Жанна уселась на скамейку рядом с Ливреевым.

Их колени будто случайно соприкоснулись, но ни она, ни он не сделали попытки изменить положение ног. Было очевидно, что здесь продолжала разыгрываться какая-то история.

На безымянном пальце правой руки прораба Варвара Сергеевна успела разглядеть тоненькое, словно одолжение той, с которой официально связал свою жизнь, кольцо. Размер кольца явно не соответствовал толстым пальцам, широким плечам и солидному животу владельца.

Когда воспоминания прораба иссякли, Самоварова, не сочтя нужным представляться ему первой, перехватила нить беседы.

– Мы здесь из-за Алины, – негромко, но многозначительно сказала она.

– Да я понял... Жанчик, молоко в доме есть?

В его дружеском небрежном тоне звучали нотки довольного собой хозяина положения.

Распоряжайка вскочила и пошла в дом за молоком.

Когда она ушла с террасы, лицо Ливреева вдруг сморщилось, сделавшись складчатым и старым. Этот любитель шашлычка под коньячок, к врачу не ходи, имел в анамнезе проблемы с желудком, гипертонию, невроз, скандалы с женой и кучу чьих-то неоправданных надежд. Но этот еще симпатичный немолодой мужчина хорохорился, изо всех сил пытаясь держаться в привычном ему образе классного парня из соседнего подъезда.

Ливреев сомкнул на груди руки и неприятно захрустел пальцами. Его до того бодрый, чрезмерно громкий голос упал до полусшепота:

– Жанка ночей не спит... Даже предположить не может, куда могла деться Алина Евгеньевна... А я ей сразу сказал: психанула. Взяла и уехала куда-нибудь отдохнуть-развеесться. Устала она. В последние дни сама не своя была, и взгляд пустой, как у зомби. Муж, ребенок, стройка – только она всем здесь и занималась.

Варвара Сергеевна задумалась.

– Интересное предположение... Но почему она своих близких в известность не поставила? Такой поступок нетипичен для женщины с высокой социальной ответственностью.

– Всяко в жизни бывает! У меня вон товарищ есть, с юности такой был тертый калач! В девяностых ларьки крышевал, позже сеть своих аптек открыл на районе, плюс автосервисы, может, видели, «Недорогой Дорожник» называются. Жена, дети, Таити-Маити... Бухал, правда, временами не по-детски: стресс снимал. Но все равно орлом держался! Всегда на позитиве, всегда в движухе. А тут раз – и находит его жена на третьи сутки в дурке. Сам пришел. Задолбало его все так, что уже собственной тени шугался. Он, оказывается, на антидепрессантах последние пару лет сидел. И никто об этом не знал, даже жена!

Валерий Павлович невесело усмехнулся:

– Не такая уж редкая для наших дней история. Выгоранием называется. Часто встречается в больших городах с бешеным темпом жизни.

– Угу... Не, Андрюха больницы и морги уже пробил, вы, наверное, и сами знаете...

Дверь на террасу приоткрылась, и вошла Жанна с молочником в руке.

Ливреев, кивком поблагодарив, тут же выплеснул в свою чашку добрую половину и, не поведя бровью, перевел разговор на тему текущих на стройке дел.

Забыв про гостей, они с Жанной стали обсуждать особенности водосточной системы.

Прораб, открыв записи в телефоне и вернув голосу бодрость, начал объяснять, что сделать задуманное Алиной Евгеньевной за оговоренные деньги не получится: металл в разы дороже пластика, к тому же необходимо большое количество нестандартных деталей.

И тут Варвара Сергеевна увидела уже третью за день Жанну: собранную, практичную.

Глядя на его цифры, она принялась с жаром убеждать прораба, что необходимо сделать все возможное, чтобы вписаться в деньги, которые планировала потратить на водосточку хозяйка дома. В ответ на его эмоциональные доводы она предлагала конкретные вещи, например, закупить материал у фирмы-изготовителя, отформовать в другом месте и смонтировать не с помощью чужих монтажников, но силами своей бригады.

Под ее напором Ливреев обещал подумать, как снизить расходы, а Жанна довольно жестко подчеркнула, что присутствовала при его разговоре с Алиной и в тот раз Ливреев озвучил именно ту сумму, в которую теперь якобы не может вписаться.

– Вадик, ты же умный, вот и придумай, как... Именно теперь мне тем более не хочется беспокоить Андрея лишними расходами, – отрезала она.

Когда стороны, преследовавшие в этом вопросе разные интересы, перешли к теме укладки камня, Варвара Сергеевна и Валерий Павлович допили кофе и, решив прогуляться по поселку, сообщили об этом переговорщикам.

Когда они выходили с террасы, Валерию Павловичу позвонил Андрей и клятвенно пообещал приехать к ужину, на который их уже успела пригласить переменчивая в своих настроениях распорядительница.

11

Из дневника Алины Р. 26 апреля.

Скучную и долгую зиму восемнадцатого года мне раскрасили ставшие обязательными поездки по торговым точкам.

Жасмин водила меня к своим проверенным поставщикам, честно признавшись в двух вещах: во-первых, объемы большие, и мне придется со всеми с пеной у рта торговаться, во-вторых – при любой окончательной цене она все равно получит от них свои кровные пять процентов.

Обои, светильники, смесители и плитка всех цветов и мастей снились мне по ночам. Как и огромные, кишевшие прорабами и домохозяйками с детьми торговые центры, где чуть ли не за каждым поворотом за стеллажами с залежами ламината и плитки и скопищем китайских душевых кабин можно было встретить живые цветы в пластиковых горшках. При ярком электрическом освещении и в отсутствие свежего воздуха они казались такой же китайской дешевкой, как и большинство товаров вокруг. Еще почему-то запомнилась огромная гора кислотно-голубых мыльниц в форме дельфинов.

Девочка лети пяти схватила одного дельфиненка и положила в громоздкую, переполненную всякой всячиной тележку. Ее измученная мать, покрутив мыльницу в руках и поинтересовавшись ее в общем-то копеечной стоимостью, отбросила дельфиненка обратно в его кислотно-голубую кучу. Пробегая мимо, я встретилась глазами с малышкой, и мне захотелось так же горько, как она, в голос заплакав, остановиться, найти этого дельфиненка и вернуть ему шанс. Но в тот момент, как обычно, Жасмин крепко держала меня под руку. Не глядя на эту и ей подобную, как она выразилась, «порнографию», она заставляла меня стремительно перемещаться в конкретные, значившиеся в нашем списке отделы.

В элитных небольших магазинчиках нас встречал холод мрамора, хороший кофе и вышколенные лицемерные продавцы. Некоторые девахи выглядели так, будто по вечерам оказывали эскорт-услуги бизнесменам средней руки. Они закидывали ногу на ногу, демонстрируя красные подошвы паленых «лабутенов», и тщательно наманикюренными пальчиками листали перед нами нарядные каталоги. Все в них было дорого и очень, очень красиво.

На строительных рынках продавцами выступали по большей части кавказцы или азиаты, успевшие обжиться в столице и обнаглеть. Эти прерывали свои скороговорчатые разговоры по мобильному лишь ради жуликоватых, будто попавших сюда из девяностых, с кожаными барсетками через плечо и в кожаных же куртках прорабов, пузатых, похмельных, прибывших на рынок с внушительным списком в руках.

А еще были торговцы антиквариатом, с заговорщицким видом встречавшие нас на порогах нелегальных квартир-складов, полупшепотом нахваливавшие давненько кем-то пропитые фамильные ценности.

Впрочем, куда бы мы ни зашли, моя экстравагантная и напористая дизайнер мигом переключала на нас внимание продавцов любой категории, даже если нам нужно было купить лишь пару плафонов в подсобные помещения дома.

Все тогда мешалось в моей голове...

На чем-то, как советовала Жасмин, нельзя было экономить ни в коем случае, а на чем-то, наоборот, нужно.

Приезжая по вечерам домой, я отпускала няню, наскоро готовила ужин и шла укладывать Тошку. Но прежней умиротворенности в нашей тихой болтовне, увы, уже не было – когда сын наконец засыпал, я уходила в гостиную, наливала себе чаю и садилась подбивать смету.

Я разделила ее на три части: оплата работы подрядчиков, оплата черновых и чистовых материалов.

Мой вечно занятой муж долго не мог понять, почему так разбухают графы, бюджет на которые определяем мы сами (весь чистовой материал), и не уставал чертыхаться в адрес Жасмин и Ливреева, которые, по его мнению, сговорились выкачать из нас как можно больше денег.

Я талдычила, что дело не в них, а в том, что мне хочется взять только качественную и красивую сантехнику или вот эти тканые обои в нашу будущую спальню или вот эту страшно дорогую, но очень стильную люстру для Тошки...

Через пару-тройку месяцев от начала ремонт стал стоить почти в два раза дороже, чем мы предполагали. С боями муж все же шел на уступки, но всякий раз просил не доверять «этим двум паразитам», а руководствоваться исключительно целесообразностью того или иного выбора.

Но главная подстава заключалась в той куче деталей, о которой мы с ним даже не думали: плинтуса напольные и потолочные, ручки на двери, ручки на окна, подоконники и батареи, – вся эта байда в конце концов вылилась в еще одну графу с огромной итоговой суммой. Скрипя зубами, Андрей не успевал распечатывать пахнущие нашим будущим счастьем банковские пачки и отсчитывать купюры. Что поделать, шоу маст гоу он.

12

– По-моему, она очаровательна в своей зрелости, я бы даже сказала – бьющей через край сочности, но она-то думает как раз наоборот, считая себя списанным товаром. И в этом ее основная проблема. – На слове «проблема» Самоварова поморщилась и остановилась. Новая обувь была тесновата, неразношенная кроссовка впивалась в вальгусную косточку правой ноги.

Варвара Сергеевна и Валерий Павлович с переменным успехом пытались вести здоровый образ жизни. Оставив Ливреева и Жанну решать рабочие вопросы, они успели забежать в гостевой домик, загнать туда Пресли и переобуться в беговые кроссовки, которые, заранее договорившись, подарили друг другу на Пасху. Бегать по идеально вычищенным мощеным дорожкам поселка никто, конечно, не собирался. Перед отъездом в «Сосны» Валерию Павловичу удалось уговорить подругу лишь на модную нынче скандинавскую ходьбу. Теперь в руках у обоих были те самые палки, без которых она невозможна.

– Варь, неправильно! Да не маши ты ими, я же объяснял: синхронизируй движение и делай все размеренно. А Жанна эта, так и есть – недотраханная перезрелая девица, прибившаяся к чужому гнезду. Кстати, будет интересно вечером посмотреть, как она взаимодействует с Андрюхой. Но с самооценкой, поверь, там все в полном порядке. Ей только одно лекарство показано – хороший, чтоб аж за ушами трещало, секс.

– Фу, мужлан... Не соглашусь. Уж чего-чего, а секса в ее жизни было предостаточно.

– Хм, с чего ты это взяла?

– Ха-ха-ха! Да с того, что она избирательна: вот ты, хоть и красавец мужчина, а ее бесишь!

Валерий Павлович на миг сконфузился и с преувеличенным безразличием пожал плечами.

– Валер... Ты видишь в чужих людях пациентов, а я даже в подследственных всегда видела людей. Особенно в женщинах.

– И что же ты там такого разглядела? Господи, да не маши ты ими! Ты сейчас похожа на лыжника, которого в поле застиг снегопад, а он еще и писать при этом хочет.

Тут, будто в насмешку, налетевший порыв ветра окутал их снежным облаком тополиного пуха.

Вместо ответной колкости Самоварова снова рассмеялась и продолжила:

– Она же втрескалась в него по уши, в этого Ливреева! Потому и сидит сиднем в доме, потому и помогает. Ей отношения нужны, а не просто секс. С сексом-то у прораба все на раз-два решается.

– Ее мотивация даже Пресли ясна. И это лишний раз подтверждает, что женской дружбы, не существует.

– Я вовсе не это сказала.

– Ладно... Давай сегодня хотя бы пару километров пройдем для начала.

– Валер, ты сдурел? Километр – и баста, – нарочито тяжело выдохнула Самоварова.

Валерий Павлович посмотрел на нее и невольно улыбнулся – в свои шестьдесят с хвостиком ей удавалось выглядеть максимум на полтинник. Но и это было обманкой. На все еще аккуратно очерченном овале лица хитро поблескивали карие глаза двадцатипятилетней девочки.

– Эй, лиса! Меньше покуришь! Два километра – и баста, – не отступал Валерий Павлович. – Остановись, я покажу, как правильно захватывать палки.

Год назад этот поджарый, скорый на слова и действия психиатр неожиданно и цепко захватил свою пациентку Самоварову в серьезные отношения, наполненные склоками, чудесами и тихими признаниями в любви.

При первом же их случайном и нелепом, предшествовавшем встрече в его кабинете знакомстве, ей показалось, будто она знала его всегда.

Ему же, умеренному цинику, прекрасному доктору и отцу-одиночке ничего тогда не казалось, он просто полюбил эту необычную женщину и надеялся провести с ней остаток своих земных дней.

Варвара Сергеевна сделала сердитое лицо и попыталась скопировать движения Валерия Павловича.

– Даже не видя еще твоего Андрюху, могу сказать: что-то в этом доме давно уже не так...

– Что-то не так с твоей дышалкой. Вдох носом, выдох – ртом. Идем неторопливо, размеренно дышим, чай не на поезд опаздываем.

– Интересно, далеко ли отсюда ближайшая железнодорожная станция?

– Ты думаешь, она могла вот так просто, оставив ребенка и мужа, сесть на поезд и свалить?

– Пока ничего нельзя исключать.

– Уверен, Андрюха подобные варианты уже пробил по своим каналам.

– А я уверена в том, что твой Андрюха тот еще фрукт. Любящий, напуганный неизвестностью муж встретил бы нас вчера на вокзале.

– Ну, Варь... У него работа. Он же наш приезд организовал...

– Кстати, где же он работает? – с наивным видом уточнила Самоварова.

– Я рассказывал тебе, со слов моего сына. Но конкретней ответить не могу, – начал раздражаться доктор. – Сейчас время такое, не принято выспрашивать. Познакомишься – вот и допросишь.

– Обязательно! – с вызовом ответила Варвара Сергеевна. – Я ставлю себя на его место и совершенно не понимаю... Пропала жена, мать его единственного ребенка и хозяйка дома, а у него на первом месте работа.

– Ты мыслишь как женщина. При любой нестандартной ситуации вас захлестывают эмоции, вытесняя здравый смысл. И потом мы по-прежнему ничего не знаем о личности пропавшей. Может, у нее тайный любовник, а может, она – подосланный к Андрюхе агент американской разведки. Хапнула ценную инфу – и поминай как звали.

– Ну у тебя и фантазии!.. Но самое главное мне уже и так понятно.

– Что же?

– Она была здесь очень одинока.

– Даже с Жанкой?

– Даже с сыном.

– С чего ты делаешь такой вывод? Неужели только по фото в столовой? Кстати, она мне чем-то напомнила молодую Эдит Пиаф. Эдакая большеглазая самозванка.

– И давно ты видел молодую Пиаф? По-моему, ничего общего... Да, по фото в том числе. Не сбрасывай со счетов физиогномику, она сразу приоткрывает часть карт в колоде. А еще по скрытности ее подружки. Ее рефлекторная самооборона говорит о том, что она *не знает наверняка*, но о чем-то догадывается. И это что-то очень личное или постыдное... Валер, прошу тебя, не дави ее прямыми вопросами! За обедом я готова была тебя прибить! Пока ты дрых, мне едва удалось нащупать с ней контакт, тут врывается ты со своим мужским здравым смыслом и – оп-ля! – она снова закрывается!

– Что-то скрывается за ее злобным мычанием...

– ...Догадался психиатр с более чем тридцатилетним стажем...

Валерий Павлович беззлобно и легонько ткнул Самоварову локтем в бок.

Сделав в ответ куда более сильный тычок, она продолжила:

– Или ты думаешь, что она должна вот так, с бухты-барахты, первым встречным выложить свои догадки о тайнах лучшей подружки? Плохо ты знаешь женщин... Поверь, у нас

существуют и дружба, и умение держать рот на замке. Так что давай, общайся со своим трудоликом Андрюхой, а эту воинственную дамочку я беру на себя. Кстати, с третьим днем отпуска тебя, любимый.

13

Из дневника Алины Р. 27 апреля.

С В. мы сошлись на почве вертебро-базилярной недостаточности.

Увидев меня впервые в палате отца, он почему-то сразу спросил, что у меня с шеей.

С шеей?!

Надо же, я никогда не думала, что вспышки моего безумия как-то связаны с шеей. И, конечно, я не думала, что у этой дряни есть конкретное заумное название – вертебро-базилярная недостаточность, сокращенно ВБН.

Из-за искривления шейных позвонков нарушается отток крови, что несет с собой кучу разных «прелестей». Ну кто в наше время не стоит в пробках и не работает за компьютером? И у кого, хотя бы время от времени, не возникают в шее боль и дискомфорт? Меж тем я действительно верю, что любая болезнь имеет соматическое происхождение и прогрессирует на фоне обстоятельств, связанных с серьезным внутренним конфликтом.

Случай В. куда более запущен, чем мой...

Но поскольку он заслуживает подробного описания, о нем позже.

Проявлений у этой «болезни нашего века» много.

Один из них называется красивым словом «вертиго». Даже фильм такой есть старый – «Vertigo». Там один мужик, который боялся высоты, вляпался в мутную историю с чужой женой, которая оказалась вовсе не женой, а изощренной аферисткой, залезшей в чужое платье. Почти как я. Только, в отличие от героев фильма, муки обоих достались мне одной.

Сначала становится тревожно, так, будто не можешь вспомнить наверняка, выключила ли утюг. Будто адская карусель, тревога быстро нарастает, и за какие-то считанные минуты ты уже уверена, что нет, не выключила. Начинает кружиться голова. Люди и предметы остаются на своих местах, голова как бы кружится внутри головы – но это сложно объяснить... И тогда рождается паника. Как будто кто-то костлявой длинной рукой отжимает у тебя воздух. Нет, воздух есть, но этот кто-то, издеваясь, выдает его скудными порциями – только чтобы сразу не сдохнуть. Кончики пальцев дрожат, а ноги с трудом двигаются и становятся ватными.

Вскоре паника поглощает все и захватывает над тобой абсолютную власть. Адскую карусель трясет из стороны в сторону. И каждой клеткой уже будто ставшего не твоим тела ты ощущаешь страх неминуемой смерти.

Собственно, ты ждешь ее каждую секунду.

А потом вдруг понимаешь, что просто ждешь и даже почти не боишься.

Это похоже на размытую границу между явью и сном.

Сон как состояние неизбежен, но точку перехода в него никто не может зафиксировать.

А после приятия неизбежного вдруг мучительно хочется спать.

Но надо заставить себя дышать!

Просто дышать!

Только не так, как обычно, потому что как дышишь обычно – ты не знаешь.

Можно выпить любую таблетку, неважно какую, главное – успокоить себя тем, что ты попыталась хоть что-то сделать.

Отпускает так же внезапно, как накатывает.

В следующие несколько часов ощущаешь полную апатию...

Паника не дает нормально мыслить, а когда она проходит и мысли возвращаются в свое русло, привычные действия словно теряют всякий смысл.

Принимать пищу? Наверное, надо. Отвечать на вопросы? Вроде бы тоже. Еще – одеваться, краситься, готовить, трахаться, садиться в машину и ехать по делам, считать деньги, звонить Андрею, готовить ему еду.

Осмысленными до конца остаются только действия, связанные с Тошкой.

Впервые это началось в одном нарядном торговом центре, за несколько дней до того, как я познакомилась с В.

Мне ничего там не было нужно, я просто, без всякой цели, остановилась возле до тошноты кичливого, всегда полупустого шопинг-молла и решила по нему прогуляться.

Как раз позвонил Андрей, и я попыталась поболтать с ним на отвлеченные темы, но он быстро закруглил разговор, сказав, что ждет меня вечером в новом японском ресторане, в компании нужных по работе людей.

Уже через полгода после начала нашей страстной любви мы никогда никуда вдвоем не ходили.

Проигнорировав лифт, я добралась до третьего этажа на эскалаторе.

В центре первого этажа бил красивый мраморный фонтан. Я подошла к чугунным перилам, чтобы сфотографировать его с высоты.

С приклеенными на губах победоносными улыбками мимо меня продефилировали две барышни восточной наружности. Они показались мне совсем юными, но даже при беглом взгляде можно было определить, что экипировка каждой в разы превышала стоимость подержанной «Шкоды» отца, которую мы с матерью уже месяц безуспешно пытались продать через инет.

Мне отчего-то стало неловко, и я, так и не сделав фото, поспешила убрать мобильный в сумку.

И вдруг, вместо того чтобы почувствовать, как рассеиваются тревожные, но хотя бы выстроенные в единую логическую цепочку мысли, я испытала свой первый приступ.

У любого действия есть противодействие.

Тогда это было мощным предупреждением свыше.

Но я его проигнорировала.

«Энергия, заблокированная в травме, рано или поздно выльется в телесный симптом».

Так считает психолог Анастасия Д., на чью книгу я совсем не случайно наткнулась несколькими днями спустя в приемной В.

Если в это поверить, становится странным, почему я все еще жива...

Но ведь во время беременности и после рождения Тошки приступов не было!

Это вернулось внезапно, вчера...

И без каких-либо особых предпосылок.

Да, я не слишком тепло рассталась с утра с мужем, но это в порядке вещей: он круглые сутки думает о своей работе, он напряжен, скуп на слова и ласки, – ко всему этому я давно привыкла.

После его отъезда на службу я хотела было разбирать бесконечные коробки, сваленные в цоколе, которые мы целых полгода привозили сюда с Жасмин, – с посудой, постельным бельем, подсвечниками, статуэтками и ворохом всего такого, о чем уже и не вспомнишь, пока не достанешь.

Пронумерованные маркером коробки под свою ответственность принимал у нас Михалыч и даже (по настоянию Жасмин) вел отдельную тетрадь их учета.

Жанка с утра пораньше успела зависнуть в телефоне и что-то хихикала себе под нос, не отреагировав на мой призыв на помощь, а Тошка, к счастью, еще не проснулся.

Я спустилась в цокольный этаж, подошла к здоровенному коробу под номером пять (предыдущие четыре были уже разобраны), с трудом сорвала с него тягучий скотч и сразу

наткнулась на несколько тяжелых бронзовых фигур, которые мы с Жасмин удачно приобрели прошедшей зимой на распродаже имущества обанкротившегося ресторана.

Перед глазами тут же возник проклятый образ В., чей кабинет был густо напичкан похожими увесистыми безделицами – подарками коллег и пациентов.

Вроде бы там было «денежное дерево» на тяжелой малахитовой подставке, какие-то львы и пегасы...

Нет, прошлое никуда не ушло. Сначала оно обдало меня жаром, а потом, в считанные секунды, проникло в меня, заставляя снова испытать потерянность и, одновременно, липкий, мучительный страх – ощущения, которые были во мне, когда я впервые вошла в его кабинет.

В цокольном этаже (за исключением комнаты, где спала Жанка) было прохладно, но я почувствовала жуткую духоту, мне катастрофически не хватало воздуха.

Картонная свалка заплясала перед глазами, а на безносом лице мраморного атланта, подглядывавшего за мной из раскрытой коробки, застыла гримаса ужаса.

Едва удерживая равновесие и борясь с головокружением, я стала подниматься к себе в спальню.

Жанке, продолжавшей сидеть на лестнице с прилипшим к рукам телефоном, я на ходу сказала, что у меня скакнуло давление и мне нужно полежать.

Она поскреблась в мою дверь, затем – в мобильный, а потом, видимо, с головой погрузившись в эсэмэс-кокетство с Ливреевым (которого знала на тот момент всего пару недель), наконец оставила в покое. Я металась по комнате и молила Бога о том, чтобы сын подольше поспал. Пыталась дышать «по-йоговски», стояла под контрастным душем, бегала на месте и даже, придумав какой-то дурацкий повод, позвонила, чтобы отвлечься, своей свекрови. Минут через сорок паника начала отступать...

Когда я вышла из спальни, Тошка как раз проснулся и искал меня, бегая по дому в своей яркой клетчатой пижамке.

С самого его рождения я старательно делала так, чтобы сын не соприкасался с непонятным или отвратительным, исходящим от нас, родителей.

Я никогда не повышала в его присутствии голос (даже если Андрей провоцировал меня на скандал), не показывала своего дурного настроения и, если он был рядом, пила не больше, чем полбокала сухого вина.

Мой мальчик должен расти спокойным и счастливым, и только так!

Но вчера, когда он подбежал ко мне и прижался для утреннего поцелуя, я вдруг почувствовала себя самой грязной лгуньей. Наклонившись к нему, я почувствовала, что между нами выросла незримая стена, ведь то, что я переживала за минуты до его пробуждения, всю эту липкую, бессмысленную муть, вопящую о том, что я больная на всю голову дура, – отбирало у меня возможность насладиться им самим, его живостью, его чистотой.

Почему эти приступы снова вернулись?!

Я же почти победила... Я была хорошей женой, я родила сына, я построила всем нам красивое убежище.

Все, о хронологии дома завтра.

А то из моих записей никто никогда ничего не поймет.

14

Похоже, Андрей искренне обрадовался встрече.

Самоварова изумленно наблюдала, как этот высокий, молодой, но уже суровый с виду дядя, упакованный в строгий темно-синий костюм, отпустил водителя БМВ и, открыв калитку, ускорил шаг, чтобы широко распахнуть объятия отцу друга детства.

– Палыч! Дорогой мой! Прости засранца, служба не отпускала! – радостно выкрикивал он, хлопая Валерия Павловича по спине.

То, что Андрей, годившийся «Палычу» в сыновья, называл его на «ты», должно быть, подчеркивало когда-то сложившуюся между ними душевную близость, о которой неоднократно упоминал Валерий Павлович, уговаривая Варвару Сергеевну откликнуться на просьбу приехать.

Когда Андрей наконец ослабил хватку и выпустил доктора из объятий, его все еще возбужденный и радостный взгляд упал на Самоварову.

– Это Варвара Сергеевна, – начал было доктор, но хозяин дома тотчас его перебил:

– Как же, слышан!

Самоварова смутилась. За год их совместной жизни ей не приходила в голову мысль о том, что любимый мог кому-нибудь, кроме сына, о ней рассказывать.

– Я надеюсь, только хорошее, – пытаюсь скрыть смущение, чересчур серьезно ответила она.

– Хорошее?! Да старик от вас без ума!

– Ну... Вы меня совсем в краску вогнали.

– Так, а давайте-ка все в дом! Жаннет обещала сварганить ужин. – При слове «ужин» радость Андрея померкла, и он погрузился. Его белокожее веснушчатое лицо сделалось совсем белым.

«Еще бы! Жена пропала...»

Заходя в дом, Варвара Сергеевна поймала себя на странной и неприятной мысли: несмотря на всю трагичность ситуации, Андрей не вызвал в ней сочувствия. То, что она испытывала сейчас, было скорее недоумением, ощущением наигранности поведения всех участников разговора, который, за время их перемещения в дом успел скатиться к суетному: «Жанна, ты запекла курицу? Респект!», «Ах-ах, какие гардины!», «А мы уже чудно здесь пообедали», «Але, Витя! Я ведь сказал тебе, что завтра выезжаем ровно в восемь?!».

Было очевидно, что Андрей старается заглядеть перед гостями неудобства, в которых они провели ночь и большую часть сегодняшнего дня.

Появилась распорядительница.

Варвара Сергеевна, делая вид, что вновь рассматривает убранство столовой, пристально наблюдала за ней и Андреем.

С одной стороны, читалось, что хозяин не может или не смеет обвинять Жанну в плохо организованном приеме гостей, но с другой – явственно ощущалось, что его раздражает не столько ее нерасторопность по отношению к гостям, сколько прежде всего сам факт ее присутствия, с которым он, по какой-то неясной причине, вынужден мириться.

По просьбе Андрея слегка ожившая с приходом хозяина, но смурная Жанна достала из холодильника водку, перелитую в пузатый хрустальный штоф.

К удивлению Варвары Сергеевны, не особый любитель алкоголя Валерий Павлович не только не отказался от выпивки, но с большим удовольствием согласился составить Андрею компанию.

Было видно, что, несмотря на их почти суточную заброшенность, Валерий Павлович искренне рад встрече и готов безо всяких колкостей и замечаний простить Андрюшке то, на

что не смог бы закрыть глаза в других обстоятельствах. Не высказывая обид и претензий, он попросил Андрея о необходимом: посуде, наборе продуктов для завтрака и ромашковом чае. Андрей, в свою очередь, как минимум дважды извинившись и обратившись к суетившейся вокруг стола Жанне, вежливо и сухо распорядился обеспечить гостям все вышеперечисленное.

Варвара Сергеевна решила позволить себе пару-тройку рюмочек холодной, отличного качества водки.

Распоряжайка тоже от выпивки не отказалась.

За столом стало шумно, суетливо, но вовсе не весело.

Андрей постоянно отвлекался на звонки мобильного и за полчаса успел дважды набрать водителю, чтобы перенести время завтрашнего выезда на службу.

После третьей рюмки выяснилось, что говорить собравшимся, по крайней мере в таком составе, практически не о чем.

Оценив обстановку, Самоварова помогла Жанне прибрать на столе и между делом позвала ее на перекур. Оставив мужчинам штоф с водкой, мясную нарезку и тарелку с соленьями, женщины вышли на воздух.

Вечерело. В свободном от дневных хлопот воздухе жасмин успел раскрыть свой аромат завораживающе глубоко.

Даже не верилось, что внутри этой красоты, этих отзывчивых к взору и обонянию кустов и цветов, может жить несчастье.

Варвара Сергеевна чувствовала, что захмелела.

Заметив, что алкоголь расслабил и Жанну, она, как только они присели на лавку, решила обойтись без вступлений:

– Жанна, как вы думаете, что могло произойти с Алиной?

– Не знаю...

Жанна уцепилась взглядом за неотесанную деревяшку, заброшенную кем-то под столик уличной курилки. Прежде чем сказать что-то еще, она какое-то время помолчала.

– Я правда не знаю... Неужели вы думаете, что, если бы знала, я могла бы спокойно выносить весь этот цирк?

Она говорила искренне, и в каждом ее слове вновь слышалась неподдельная боль.

– Я каждый день вру Тошке, вру няне... Мы с Андреем так договорились: плетем им, что у Алинки проблемы со здоровьем, мол, в пансионате она, давление лечит.

– Удивительно: в доме маленький ребенок, а я до сих пор его не только не видела, но и не слышала.

– Еще успеете. Нянька вошла в положение. Андрей ей сейчас хорошо платит, и она постоянно живет здесь, надеюсь, временно. Она с Тошкой на втором этаже. Там ему Алинка все шикарно оборудовала: большая игровая с телеком, спальня, сортир, ванная, удобный диван для няньки, даже холодильник отдельный есть. Зона Тошки напротив родительской спальни. Алинка отучала его от своей постели, часто до слез доходило, но она упорно настаивала на том, чтобы сын спал один. А видите, как получилось... Нянька то ли строителей наших боится, то ли меня пугается, то ли опасается того, что и Тошка вдруг возьмет и исчезнет... Вот и отсиживается с ним на втором или у речки. Играют целыми днями, она книжки ему читает...

– А кто она?

– Училка из Бишкека... Че хорошо – так это ее восточное воспитание. Тихая, не курит, не бухает, Андрюхе без ненадобности старается на глаза не попадаться. А к ребенку относится очень хорошо. Хотя, чувствую, она догадывается, что мы всё врем про Алинку. Но сейчас она незаменима! При всей любви к Тошке из меня мать, как из говна пуля. Простите за мой французский...

– Да ну, бросьте, – отмахнулась Варвара Сергеевна. – И все же хоть какие-то зацепки у вас должны быть! Семья? Подруги? Может, любовник?

– Семьи нет. Сирота она. Братьев-сестер тоже. Насчет мужика – не знаю... Мне сложно такое представить, не в ее это характере. Но если бы кто и был – она, сучка, скрывала бы, и от меня тоже. Есть у нее черта такая – не договаривать... А потом, откуда мог взяться мужик, тем более такой, с которым бы она вдруг решила дать деру от сына с мужем? Мы с начала апреля отсюда не вылезали. Как только кровать в ее спальню доставили, мы и спали там первое время, вдвоем, а Тоха – рядом, на раскладушке. В доме шел ремонт, Андрей жил в городе. Мы и в магазины частенько вместе ездили – за посудой, за всякой мелочовкой. И еще с этой Алиной уезжала иногда... с бабахнутой на всю голову Жасмин.

– Жасмин?

– Так дизайнеров нынче зовут.

– Понятно. А вы хорошо помните тот день, когда она исчезла?

– Утром это случилось, – отвернувшись от Самоваровой, с трудом выдавливая из себя распоряжайка, между слов глубоко затягиваясь сигаретой. – Андрюха, как всегда, с ранья на службу уехал. Перед тем как разбудить Тошку, Алинка обычно спускалась вниз, мы пили кофе, болтали, планировали день. Встают в доме рано, она – часов в семь. Андрею завтрак надо особый приготовить: то он не ест, это он не переносит... Часам к восьми – половине девятого, чтобы он уж наверняка уехал, и я на кухню подтягивалась.

– А где вы сейчас живете?

– В цокольном этаже появилась гостевая комната... Ну че... в то утро она не спустилась. Дело в том, что накануне мы отвратно поругались! – Последнюю фразу Жанна выпалила на одном дыхании.

– И это вас сильно мучает, – кивнула Самоварова.

– Конечно! А вдруг я ее больше не увижу?!

– Перестаньте себя накручивать. Лучше расскажите, почему вы поругались.

Жанна наконец взглянула на собеседницу:

– Потому что она украла у меня заколку! Сначала украла, а потом забыла об этом! В воскресенье вечером я увидела свою заколку в ее волосах. Заколочка копеечная, да и лет ей уже бог знает сколько, но это точно была моя заколка. Подойдя к Алинке, которая, как обычно, погрузившись в какие-то бесконечные думы, готовила ужин, я разглядела заколку повнимательней. Все верно: как раз и камушка не доставало. Нет, вы не подумайте, я не мелочная, просто не люблю разные непонятки! Но когда я мягко указала ей на то, что это моя заколка, она вспыхнула и послала меня на хер! Нет, вы можете себе представить?! – горячилась распоряжайка. – Сначала сперла мою заколку, а потом еще и на хер послала!

– Мягко – это как? – едва заметно усмехнулась Самоварова. Уж мягкости в Жанне точно не наблюдалось.

Жанна замялась:

– Ну, может, я с ходу и наехала на нее, может, голос повысила, не помню... Но она с пятницы ходила вся из себя такая, блин, недоступная, будто меня не замечая. На ровном-то месте! Я пыталась достучаться: то вопросы разные по делу задавала, то шутки шутила, а она, не глядя на меня, будто я не человек, а кусок дерьма, только мычала сквозь зубы. Всю субботу и воскресенье меня вымораживала. Блин, ну если на что обиделась – сказала бы, это так сложно, что ли?!

– А до этого вы не ругались?

– Нет, вот вам крест! – поспешно перекрестилась распоряжайка. – Мы жили душа в душу! Еще в пятницу днем все было зашибись, она сама мне говорила, что хочет, чтобы я здесь как можно дольше оставалась.

– И что вы ей ответили после того, как она вас послала?

– Ничего... Я офигела и убежала к себе. С воскресенья ее больше не видела.

Жанка опустила голову и замолчала.

– Так... А что было в понедельник утром?

Не успев потушить сигарету, Жанна прикурила новую.

– Варвара Сергеевна, я человек отходчивый, – торопливо оправдывалась она. – Хоть и остался в душе осадок и не спала полночи, но, думаю, не разбегаться же нам из-за какой-то сраной заколки?!

«И не съезжать же из-за этого из роскошного дома!» – чуть было не сказала Самоварова вслух.

– Как обычно, в восемь я пришла на кухню – Алинки там не было. Ну... я там потусила, потом с работягами нашими вышла, покурила, а внутри скверно: знаю, что права, но почему-то чувствую себя виноватой. До десяти я особо не дергалась, мало ли, приболела Алинка или месячные пришли.

– С кем же был Тошка?

– Она накануне попросила няню на ночь остаться, сказала, в поликлинику рано утром хочет съездить, анализы сдать. Это она, как выяснилось, сказала только ей, не Андрею и не мне... Ну че... Время одиннадцать – Алинки нет. Я забила на свою обиду и в спальню к ней стучусь – тишина. На мобильный звоню – абонент не абонент. Потом уже решила в спальню сунуться – а там никого. Нянька Тошку умыла, покормила, сидит и не парится, думает, что скоро Алинка из поликлиники вернется. Я Андрею ближе к обеду набрала – но и он не в курсе...

– А вы про поликлинику не поверили?

– Конечно, не поверила! Она бы не няньке, а мне в первую очередь об этом сказала, да и с Тошкой попросила бы посидеть, пока нянька приедет, то есть часов до одиннадцати.

– Так вы же поругались!

– Причем тут это! – раздраженно отмахнулась Жанка. – Алинка всегда планировала дела заранее, а все, что связано с Тошкой, – тем более. И бабки без нужды она не любит тратить, нянька же не за «спасибо» ночевать осталась. Вы на дом-то не смотрите, Алина деньги ой как считает! Вадика вон в шутку укоряла, что он, халявщик, мои сигареты любит курить. Но главное в другом... Я как в спальню вошла – нутром почуяла: что-то не так, подстава какая-то...

– А что вы увидели в спальне?

– Ничего особенного. Но предчувствие было поганое, будто уже знала: она не вернется... Тьфу ты! Вернется она, конечно, вернется!

– И все же расскажите поподробнее, что вы увидели, это может мне пригодиться.

– Кровать застелена, никакого мусора, все на своих местах. Не могу сказать, что часто ходила в ихнюю спальню... Я совсем там не бывала, как только Андрей сюда переехал, но аккуратность вообще в Алинкином характере. Все должно быть на своем месте, на своей полочке, в своем ящичке. Бардака она, в отличие от Андрея, не терпела.

– А что Андрей? Неужто он бардачник?

– Редкостный. У него папаша – генерал. Видать, в детстве за беспорядок Андрюху дрючил, и он, как вырос да жирком оброс, даже фантик конфетный за собой не выбросит, так и кинет, где ел.

– Кстати, кто убирается в доме? Такую махину в порядок привести и дня не хватит.

– Тетка тут ишачит, жена одного из таджиков, что прижились в поселке на постоянных приработках. Приходила два раза в неделю. Но сейчас Андрей попросил меня чужих без особой нужды в дом не пускать. А за мужем все подбирала Алинка: майки, носки, бумажки, визитки, а то и деньги с кредитками. С ним в быту хлопот, ей-богу, в два раза больше, чем с Тошкой.

Начав откровенничать про Андрея, Жанна машинально перешла на полусшепот.

– Такие разные люди – и вместе, – понизила голос Самоварова и тут же хмыкнула про себя: у нее-то как раз наоборот, Валерий Павлович – прирожденный чистюля, а она – бардачница, правда, в последнее время упорно работающая над собой. Но чтобы деньги и фантики где попало – это слишком даже для нее. – Расскажите, как они познакомились.

Жанна неопределенно махнула рукой, отвернулась и какое-то время молчала, явно обдумывая ответ.

– Это не они, это *мы* познакомились...

– Вот как? И где же?

– Работали мы с Алинкой в одном заведении. Официантками, – ответила нехотя, интонацией голоса обрубая дальнейшие расспросы.

– Не любите вспоминать?

– Не люблю... Ладно я – Андрей не любит! В каждом доме есть темы, на которые не принято говорить вслух. Это одна из них.

Варвара Сергеевна решила не отступать:

– Это может быть очень существенным, понимаете? Любые вещи, которые кажутся неважными, оставленными где-то в прошлом... Именно они могут дать ключ к тому, что произошло с вашей подругой.

– Господи... Алинка всегда, в отличие от меня, спокойная была, как удав, даже на удивление! Будто костюм защитный умела на себя надевать. Хамство, унижения – все разбивалось о какую-то невидимую защиту. И... уж не думаете ли вы, что какой-то обиженный в прошлом клиент мог через десять лет выследить ее и похитить? Ах-ха-ха!

Смех у Жанны был пьяный, оскольчатый, в нем, словно запоздалые отголоски, слышались нотки утренней истерики.

Затушив последнюю за этот день папиросу, Самоварова внезапно почувствовала сильнейшую усталость. Сначала было подумала, что из-за скандинавской ходьбы. Пошевелила ногами, расправила плечи – нет, тело в тонусе, она даже чувствовала себя бодрее, чем обычно.

Усталость была исключительно эмоциональной.

– Жанна, давайте поступим следующим образом: вы отдохнете, подумаете, возможно, вспомните что-то еще, а может, рискнете рассказать о том, о чем не принято говорить в этом доме... Утро вечера мудренее.

Молодая собеседница кивнула и с явным облегчением выдохнула.

Словно ей в помощь мобильный в ее кармане нахально растрезвонился голосом какого-то русского рэпера.

Самоварова скосила глаза, и ей удалось разглядеть имя, высвеченное на экране.

В пол-одиннадцатого вечера Жанне звонил какой-то Михалыч.

15

Из дневника Алины Р. 28 апреля.

Пишу теперь часто, как работу выполняю – мои неловкие попытки покопаться в собственной душе. Или в собственной правде?

Вчера зачем-то выпила с Жанкой.

Когда захмелела, едва сдержалась, чтобы не рассказать ей о В. После приступа стала вспоминать о нем постоянно, даже не каждый день, а почти каждую минуту. Сидела и чувствовала, как с трудом заталкиваю в себя рвущиеся наружу слова.

Но подруга, сама того не зная, пришла мне на помощь, переведя разговор на Ливреева.

Это было ожидаемо. Все наши разговоры с ней уже больше месяца заканчиваются только одной по-настоящему волнующей ее темой – нашим бравым прорабом. Как же меня это бесит!

Пришлось сидеть с ней, пока она наконец не прикончила бутылку вина, слушать не слушая, продолжая думать о своем.

Когда вошла в спальню, Андрей, к счастью, крепко спал.

Под утро почему-то приснилась мать.

Открыла глаза и в полумраке разглядела отдельные предметы в своей новой, получившейся воистину роскошной спальне.

Нормально заснуть уже не смогла.

Одна часть меня проваливалась в сон, а другая издевательски тащила в далекие воспоминания...

...Мать нежно, но настойчиво теребила мое плечо.

В комнате было темно-темно, а сквозь щель в двери проникал желтый свет из коридора.

Мать, как добрая волшебница или умелый психолог, не включала свет в моей комнате, знала, что со мной в эти минуты нельзя нахрапом, а можно только по-хорошему.

Уцепившись за одеяло, как умирающий цепляется за последние секунды жизни, я зарывала голову в подушку и, елозя по простыне животом, норовила спрятаться в ласковом тепле и темноте постели.

И тогда мать начинала мурлыкать какую-нибудь песенку, ею же придуманную.

Рифмы в ней почти не было, а смысл был всегда одинаков: скоро-скоро придет новый день, он уже в пути, дню не терпится встретиться и познакомиться со мной, чтобы рассказать о своих чудесах.

Продолжая петь, она мягко отбирала у меня одеяло, брала под мышки, сажала на кровать и засовывала мои руки и ноги в заготовленную заранее, лежавшую рядом на стуле одежду. Одежда была неприветливой, колючей. Особенно толстенный синий шерстяной свитер с вышитым на нем красным медвежонком, который мать заготавливала для меня в холода.

Мать брала меня, едва стоявшую на ногах, за руку, отводила в ванную, помогала умыться.

В валенки я залезала уже сама. Валенки я почему-то любила. Шубка, шапка, шарф – все было застегнуто и затянуто на мне туго-туго.

Мы выходили в зиму.

Санки, ждавшие нас под лестницей в подъезде, недовольно гремели, то и дело ударяясь о своих сородичей, оставленных здесь на ночь другими родителями.

В санках я, часто вздрагивая и просыпаясь, чтобы взглядом поймать материну спину, жесткую, мохнатую, то ли лисью, то ли волчью, или барашковую, в потертых мелких кудряшках, продолжала дремать.

Иногда санки, застревая в снегу, останавливались, и мать, уже без песни, но все так же продолжая говорить то ли с санками, то ли со мной ласковым мурлыкающим голосом, аккуратно выправляла их, и мы неслись дальше.

И вот она, наша последняя мучительно-необратимая остановка.

Здесь было шумно, ярко, тревожно.

У одного из подъездов детского сада мать тормозила, хватала меня и ставила на снег, одной рукой прижимая к себе, а другой ставя на попа наши санки.

Наверное, ей было очень тяжело...

Она была невысокой и худенькой.

Распахивалась входная дверь, и я попадала в душный, успевший пропахнуть чужими мамами, их кашами, духами, потом, шапками и шубами детсадовский подъезд.

Несмотря на духоту, я ощущала дикий холод, он пронизывал намного жестче, чем злой и колючий уличный ветер, ведь там, вовне, меня закрывала от него мама.

Нас встречала одна из двух воспитательниц, лица и голоса которых давно стерлись из моей памяти.

Мать, стараясь говорить максимально дружелюбно, так, как в силу своего характера никогда ни с кем больше не говорила, почти всегда просила кого-то из них быть со мной внимательнее.

Каждый раз, когда она выпускала мою руку из своей руки, мне казалось, что я этого не вынесу, не переживу, что как только она отвернется и, уже не оборачиваясь, уйдет обратно в темноту и снег, я перестану существовать, лопну, как воздушный шарик на стене, превращусь в безжизненную массу, прикрытую черной беличьей шубкой и клетчатым шарфом.

Но всякий раз я выживала и, с недоверием вложив свою ладошку в сухую и жесткую руку воспитательницы, шла с ней в тесную душную раздевалку.

Бумажная белочка в кружочке, наклеенная на мой шкафчик, немного успокаивала. Я была уверена в том, что где-то, быть может, в другом, теплом и справедливом мире, эта белочка дружит с моей мамой.

Еще запомнился тихий час.

Зажмуришь глаза – а там космос, в пустоте и темноте которого бесчисленное количество крошечных золотых звездочек, похожих на рассыпанное на черном покрывале пшено. А если прижать руки к глазам и потереть их, космос оживал, смещался, дрожал, но никогда не позволял увидеть хоть что-нибудь еще. Опасаясь наткнуться на строгий взгляд воспитательницы, которая время от времени прохаживалась по рядам из раскладушек и проверяла, все ли спят, я убирала с глаз руки и открывала глаза. Голова слегка кружилась, а космос исчезал. Я снова проделывала этот трюк – и космос возвращался. Это стало моей тайной, моим собственным измерением.

В тихий час я никогда не засыпала по-настоящему. Просто лежала и думала о маме.

Даже не обладая понятной для моего возраста информацией, уже тогда я ощущала: что-то в нашем доме не так. Не так, как у Витьки, не так, как у Кати, в корне не так! Но никогда мне не приходило в голову, что «не так» именно с ней, с моей мамой. О таком я и думать не смела... Мне представлялись какие-то, как в сказках, злые колдуны, воздействовавшие на маму против ее воли.

До сих пор не могу понять, как все это в ней уживалось: безграничная нежность и любовь ко мне и то, что она уже тогда (как я позже поняла) вытворяла с нами, со мной и с отцом...

Ладно. Пора будить и кормить Тоху, а потом бежать к своим, на стройку.

Дел, как обычно, до хрена, а голова трещит и подкруживается. Я же еще, на кой-то черт, курила вчера за компанию с Жанкой. В голове почти что космос, только гаденький и похмельный, хотя и выпила-то всего полтора бокала.

Завтра вернусь и продолжу.

16

– Валер, что молчишь, рассказывай...

Небольшой столик в гостевой хибаре был давно накрыт для завтрака: яичница в сковороде под крышкой, кофе во френч-прессе и квадратные, из долго хранящегося и невкусного хлеба бутерброды с сыром.

Продукты, ворох разномастной посуды, гель для душа и даже шампунь с кондиционером для волос час назад милостиво доставила сюда распорядка в большой плетеной корзине.

Проснулся Валерий Павлович снова поздно, около десяти.

Накануне Варвара Сергеевна, простившись с Жанной в летней курилке, решила больше не возвращаться в большой дом, безошибочно почувствовав, что в мужской беседе один на один, да еще подвыпив, Андрей, возможно, скажет Валерию Павловичу то, что не скажет в ее и Жаннином присутствии.

Приняв перед сном целых две таблетки «Новопассита» и не став дожидаться доктора, она, чувствуя только пустую усталость, моментально заснула.

Снилась всякая жутковатая бессмыслица: что Алину отравили Жанка с Андреем и закопали где-то в саду, но она воскресла и выбралась из ямы, а потом исчезла за калиткой в густом сизом тумане. Еще снилась белесая Галина, жена убитого в мае прошлого года кубинца, – их провальное дело с полковником Никитиным: убийцу за год так и не нашли, а Галина сначала сошла с ума, а всего через полгода (если фейсбук не врет) стала помощником руководителя крупной логистической компании.

Варвара Сергеевна допивала уже вторую чашку кофе. Встала она в восемь и к этому часу успела многое: принять душ, сделать легкую зарядку, прогуляться по участку, коротко переговорить с заметно оттаявшей после вчерашних бесед распорядка, увидеть издали бригаду рабочих, сегодня трудившихся на фасаде, ублажить и покормить скандально требовавшего ее внимания Пресли и приготовить завтрак.

Наскоро ополоснув лицо под кухонным краном, доктор присел за стол. Выглядел он странно, так, будто его тоже мучили дурные сны, но он все еще не мог отпустить их, прогнать обратно в то зыбкое, но цепкое эмоциональное пространство, из которого они берутся.

Безо всякого аппетита пожевав бутерброд и съев немного яичницы, Валерий Павлович наконец заговорил:

– Варь, если хочешь, мы сегодня же отсюда уедем... – В голосе сквозила несвойственная ему неуверенность.

– Так, Валерий Павлович... Признайся честно, у тебя похмелье?

Доктор неопределенно мотнул головой. По всему было видно, что беспокоит его не только с непривычки гудевшая голова, а что-то еще, существенное, такое, что сложно выразить в простых словах. И это его мучило.

– Как там Пресли? Не нравится ему здесь?

– Привыкает. Носится по участку, охотится за птичками... Валер, приехать сюда была твоя инициатива... Если что-то поменялось, будь любезен, говори прямо. А то я и в самом деле ощущаю себя так, будто квест какой прохожу. Найдите девушку, не знаем, где, не знаем, как, не знаем, зачем.

Валерий Павлович с силой потер виски.

– Да прямо, боюсь, не получится...

– В смысле?

– Варь... Тебе когда-нибудь доводилось неожиданно встречать людей из прошлого?

– Не так уж редко, – кивнула Самоварова. – Но прошлое прошлому рознь. Я своих бывших подследственных встречала в автобусе, в метро, один раз, представь, в музее! Но узнали

меня только раз, да и то это была невинная женщина, которую вскоре отпустили. Люди, в том числе преступившие черту, в жизни совсем не такие, как в кино, где какой-нибудь разбитый жулик, отматавший пятерку в колонии, только и думает, как отомстить тем, кто его засадил. Это просто люди... И они стараются стереть из своей памяти негатив.

– Нет, Варь, я имел в виду людей из ближнего круга. Из того общего прошлого, где вас связывали добрые воспоминания.

Варвара Сергеевна задумалась.

Единственным существенным для нее человеком из прошлого был полковник Никитин, бывший начальник и бывший любовник.

Но глубоко личные, то нестерпимо ранящие, то заряжавшие энергией отношения она прервала с ним задолго до того, как они расстались буквально. К счастью, обоим хватило душевных сил остаться добрыми друзьями. Никитина она не видела чуть больше года. Но разве для прошлого это срок?

Сейчас она любила Валеру. С ним было спокойно, хотя и щекотно от взаимных колкостей и пикировок, уютно в постели и обременительно в быту – слишком правильными были его десятилетиями складывавшиеся холостяцкие привычки, в противовес ее привычкам, таким же холостяцким, но неправильным.

– Варь... Ты, я смотрю, о чем-то серьезно задумалась, а я всего лишь хотел сказать, что... Не тот это Андрюха, которого я помнил и любил!

– Конечно не тот, сколько лет не виделись! Вырос давно твой мальчик.

– Нет, дело не в этом. Оболочка меняется, но сущность у некоторых остается прежней. Нет-нет, я понимаю, виной всему образы, которые продолжают жить в нас и зачастую давно не соответствуют реальности. Но раньше в нем будто зернышко какое проклевывалось. И я, глядячи на него, думал: вырасти из зернышка деревце, это деревце мир способно изменить! Не весь мир, конечно, а его собственный.

– В юности почти все мы оптимисты и максималисты, разве нет?

– Совершенно верно. Но я не об этом.

– Тогда я тебя не понимаю.

– Я и сам не могу понять... Но тот, с кем я пил вчера до двух ночи, уже без зернышка.

– С тяжелым камушком?

– Даже без камушка.

– Тогда что там?

– В том-то и дело: не нашел я ничего. Ни любви, ни ненависти. Одна глухая стена из стереотипов да собственного эгоизма.

– Печально.

– Его эго, конечно, встревожено и напугано не на шутку. Но только эго... Варь, я не почувствовал в нем ни одной понятной мне эмоции по отношению к пропавшей жене. Одни определения.

– Какие?

– Если выкинуть лишние слова – в остатке получится только горечь от когда-то сделанного выбора. Он ни разу не сказал так прямо, но именно это сквозило в его скупых рассказах об их жизни... Помнится, лет десять назад сын показывал мне фотку Андрея с Алиной, которую Андрюха прислал ему на почту. В самых восторженных, бьющих через край жизнью словах сын говорил мне, что «Веснушкин», так мы еще с детства называли Андрюху, наконец остепенится, потому что нашел себе офигенную девушку. Сын никогда бы не смог придумать за друга такие эмоции, он ретранслировал то, что почувствовал в нем сам... С тех пор я о молодых почти ничего не слышал. Если и спрашивал Лешку между делом, тот отвечал, что у Андрюхи все ок, живут, должно быть, счастливо. Родился сын, и Андрей, как это чаще всего случается у людей семейных, стал от нас отдаляться, к тому же расстояния – я уже говорил,

что больше десяти лет назад он переехал в Москву. Дела житейские, карьера, быт – в общем, обычная история. А вчера... я услышал лишь перечисление фактов, почувствовал лишь раздражение и страх неизвестности.

– За годы службы в органах мне чаще приходилось сталкиваться с обратным: людей переполняли эмоции, которые исказили факты. Находясь во власти гнева, боли люди путаются даже в простых вещах, они, например, не в состоянии оценить размеры предметов или дальность расстояния.

– Больные – тоже... Но, знаешь, он даже внешность ее описал как судмедэксперт: рост, вес, размер груди и бедер.

– Погоди... Вероятно, он так защищается. Тебе должно быть хорошо известно, что проявление шока всегда сугубо индивидуально.

– От меня-то зачем защищаться? Сам позвал... И сыну не раз повторил, что надеется разобраться в ситуации без огласки, не прибегая к помощи официальных инстанций...

– Что он успел предпринять?

– Как мы и предполагали, пробил через знакомых больницы и морги. Там, слава богу, ничего.

– Документы у нее при себе были?

– Только паспорт. Бумажника в доме нет, но водительское, которое носила в бумажнике, она почему-то вынула, оставила на столе. Ее машина, как ты знаешь, в гараже. Загранпаспорт тоже остался дома.

– Вообще-то обычный паспорт всегда берут с собой, особенно если уходят без водительского. Типа, на всякий случай.

– А если... если допустить, что она не хотела уходить?

Валерий Павлович наконец сказал это вслух.

И вопрос этот, не требовавший дальнейших уточнений, упал в пространство и завис такой же глухой тяжестью, какой успел насквозь пропитаться большой дом.

К концу завтрака доктор стал еще более понурим.

Он словно ждал именно от Варвары Сергеевны, ради которой, как он прекрасно понимал, его сюда и завали, какого-то импульса, который бы помог принять решение: сегодня же уехать или остаться.

Но Самоварова, тяжело задумавшись, молчала. Потом все так же молча встала и принялась прибирать со стола. Не желая изучать кнопки на посудомойке, принялась машинально мыть посуду.

Во время разговора она ощущала себя так, словно в далеком диком лесу при свете синюшной, в венозных прожилках луны, ловила огромных ночных бабочек, и одна из них, неожиданно залетев в сачок, поймалась сама.

Варвара Сергеевна почувствовала необъяснимую, тошнотворную горечь. И еще страх.

Только это были не ее ощущения.

Она точно знала: то были ощущения пропавшей.

– Давай горячку пороть не будем. Мне, поди, не двадцать, чтобы, не успев распаковать вещи, подхватываться и бросаться на вокзал, – вытирая руки о кухонное, доставленное распродажкой полотенце, предложила Самоварова.

– Давай, – не слишком уверенно согласился Валерий Павлович. – К вечеру Андрей обещал подготовить для нас подробную справку о жене.

Сегодня этот Андрей не нравился Самоваровой так же, как и вчера, а Жанна, если и вызывала какие-то чувства, то лишь легкую жалость.

Но что-то внутри нее упрямо подсказывало: уехать они успеют, а пока, хотя бы сегодня-завтра, лучше остаться.

17

Из дневника Алины Р. 29 апреля.

Эх, ребятки мои чумазые...

Михалыч, Колян, Дядя.

Смотрю на вас из окна, потных и грязных, с подорванными желудками и плохими зубами, с больными спинами и ногами, и думаю, сколь тяжек ваш хлеб. Из двенадцати месяцев в году вы, дай бог, два проводите дома, в чистой теплой постели, уткнув свои заострившиеся носы в пахнущие забытым уютom затылки жен. А все остальное время бедуете в бытовках или на брошенных прямо на бетон матрасах в недостроенных хозяйских домах, где, с этажа на этаж, таскаете за собой временный унитаз, колете друг другу обезболивающее, по вечерам устало плещете в пластиковые стаканчики дешевую водку, моетесь холодной водой, скрываетесь по углам от товарищей, чтобы позвонить домой, курите пачками дрянные сигареты и клянете вайбер или ватсап за постоянный обрыв связи.

И думаете, что я об этом не знаю.

Все я знаю. Но молчу.

Нет... Я не просто молчу, я искренне вам улыбаюсь! А вы сомневаетесь в этом?

Конечно, сомневаетесь...

Но таковы правила игры.

Моя работа здесь и заключается в том, чтобы не доверять и сомневаться, ругаться с Ливреевым и заставлять его проверять и перепроверять вашу работу.

А те, ради кого вы все это сносите, они-то точно вас ждут?

На печке, у печки, подоив корову, накосив сена, одевая ребенка в стылых сенях, чтобы отвести его пешком в единственную на несколько верст деревенскую школу, штопая и стирая, выращивая и собирая, прося бесконечно у Бога и внезапно обидевшись на Него...

Да нет, что я несу!

В ваших далеких деревнях давно уже есть отопление, машины, сады и школы, магазины, фейсбук и даже паленые сумки «Луи Вуитон». А на заработанные вами деньги кто-то строит вашим семьям скромные по нашим меркам, но очень милые, судя по фоткам, дома, а на Пасху и Новый год вся ваша родня обязательно получит столичные, купленные на распродажах подарки.

Какая уж разница, в каких условиях они вас ждут. Вопрос в том, ждут ли.

Способны ли они десять месяцев в году обходиться без мужской помощи и ласки?

Сомневаетесь...

Я вот тоже сомневаюсь.

Я вообще постоянно сомневаюсь.

Для любви одинаково губительно как полное отсутствие возможностей и денег, так и их неожиданное появление.

Пока я была бедна, носила одни на двоих парадные туфли с Жанкой, бережно складывала в сумочку флаерсы на вторую бесплатную чашку кофе, ездила на метро или через силу, почти как вы, ребятки, отвечаете на мои дурацкие вопросы, кокетничала с хачами, чтобы донесли подешевле, тряслась в их прокуренных развалюхах и думала о том, хватит ли мне заработанного в клубе, чтобы погасить коммуналку, оплатить мобильный, интернет, дешевую маникюршу, не слишком дешевую парикмахершу и еще, быть может, для поездки в Белек в конце сезона, – слово «любовь» было заманчивым, но никак во мне не отзывалось.

Просто красивое слово.

Так же, как подавляющее большинство, я плакала в конце фильмов, где он несет ее, мертвую, на руках, и все хорошее в его жизни в этот момент закончилось, хотя он, под взглядами шмыгающих носами зрителей, изображает непоколебимую веру в то, что где-то, может, в том самом «космосе», они все равно будут вместе.

Всем нам отмерено одинаковое количество любви.

Только получаем мы ее разными порциями.

А когда подводят самые-самые, кому положено стоять на раздаче, неизбежно появится кто-то другой, внезапный, непредсказуемый...

Любовь – это приятие другим человеком любой твоей правды, даже той, от которой ты всю жизнь бежишь.

Долгое время мне казалось, что Андрей меня любит, просто не хочет, боясь пораниться, ничего обо мне знать.

А мне ведь это и было нужно – чтобы не знал...

Люблю ли я его?

Странно, но этот вопрос я начала задавать себе только через два с лишним года после нашей встречи.

Нет, вру...

Этот простой и точный, как неожиданный диагноз, поставленный моему отцу, вопрос впервые задал мне В.

И этим вопросом, словно стальным крючком, в какие-то секунды достал меня, упирившуюся, закрывавшую лицо руками, из безопасной норы и положил, сука, под свой операционный светильник.

О нет... Я хотела обратно в свою норку, она хоть как-то защищала меня!

Но В. уже разложил свои скальпели и зажимы.

До сих пор не могу понять, готовился ли он к вскрытию моей души во спасение меня или просто он – редкостная жестокая тварь.

Когда я тряслась, обнимая себя руками, он говорил, говорил, говорил... Он очень хотел помочь, видя, что я еще живая.

Позже мне против воли пришлось задуматься, чтобы понять: мой муж Андрей любил не меня, а меня в той моей части, где я могла быть ему полезной, а потом уже, совсем чуть-чуть, – и в нашем сыне.

А я лишь была безмерно благодарна ему за то, что принимала за любовь.

Уверена, девяносто процентов нынешних женщин, которые все еще хотят замуж, мечтают найти себе такого, как у меня, Андрея: привлекательного, целеустремленного, дерзкого, с хорошей родословной, нацеленного на благополучную семью.

Ах, ну да...

Я же хотела по порядку.

Не получается.

Много эмоций и мало разумных мыслей...

Ребятки мои чумазые (при некоторой помощи сторонних подрядчиков) сделали почти невозможное: заехав на объект зимой прошлого года, к Восьмому марта этого года расстарались так, что мы могли уже жить в нашем доме (если, конечно, забить на шум и бесконечную грязь).

К этому странному, непомерно раздутому народом празднику были полностью готовы к эксплуатации наша с Андреем зона и кухня-столовая.

Спальня Тохи, почти все помещения цоколя и мансардный этаж оставались еще в работе.

Я с сыном окончательно переехала в дом в апреле, ровнехонько на светлый праздник Пасхи, после которого Жанка, на тот момент уже вовсю кокетничавшая с нашим прорабом,

осталась пожить со мной. Ее всегда too much, и она, похоже, до сих пор верит, что окружающие созданы для того, чтобы решать (или хотя бы выслушивать) все ее проблемы.

Почему она осталась, напишу позже, рука затекла. Да и бежать пора, я даже со второго этажа слышу, что приехал Ливреев.

18

– Михалыч, у вас перекур-то намечается?

Восседавшая на лавке Жанка, демонстрируя неожиданную гибкость полноватого, только на первый взгляд потерявшего форму тела, высоко и соблазнительно закинула ногу на ногу. Она была в ярко-зеленых лосинах, выставявших напоказ все ее сочные прелести, само собой, курила, а на бригаду рабочих смотрела взглядом мультяшной, в нарядных бусах насадки, которую мамаша из соседнего загона попросила присмотреть за своими цыплятами. Варвара Сергеевна сдержанно улыбалась плоским, но бойким шуткам, которыми вот уже битых полчаса время от времени перебрасывались с Жанкой рабочие.

Распоряжайка, как накануне выяснила Самоварова, была южанкой, родом из Ростова-на-Дону.

Еще не барыня, уже не девка (все-таки в ее распоряжении отдельная комната большого дома), не совсем хозяйка, но и не обслуга, не юная дурочка, но далеко не старуха, Жанна бесспорно бередила не только мысли, но и плоть одичавших в мужском коллективе рабочих.

В ее же явно завышенном внимании прослеживался интерес к кому-то конкретному. Интерес совсем не такой, как к прорабу Ливрееву, – грузный, суетливый, с невысказанными претензиями и зудящей надеждой. Здесь скорее чисто бабское пустое кокетство: без смысла и цели, стервозное, но в своем роде очаровательное.

Варвара Сергеевна, следя глазами за стремительно перемещавшимся по участку Пресли, выжидала удобного момента для знакомства с бригадой. Валерий Павлович, все в том же дурном состоянии духа, остался в домике, сославшись на то, что ему нужно готовить какой-то доклад.

Наконец Михалыч, который с первого взгляда распознавался старшим в этой группе, гаркнул и сделал некий жест рукой, отмашку к перекуру.

Маленький кривоногий рабочий слез со строительных лесов, а сам Михалыч и еще один, молодой тощий парень, оторвались от своей работы – укладки камня на отмостку.

С любопытством покосившись в сторону летней курилки, где сидели Самоварова с Жанной, они развернулись и направились в сторону недостроенной террасы.

– Ребят! У нас вообще-то гостя! Неплохо бы подойти и поздороваться, – начальственным тоном закричала им в спины распоряжайка.

Михалыч остановился и, что-то прикинув про себя, не слишком охотно двинулся на зов. Двое других поплелись следом.

– Добрый день! – Самоварова привстала с лавочки.

– Варвара Сергеевна, да вы сидите, сидите! – тут же вставила свои «три копейки» Жанка и, как драгоценную тетушку, любовно погладила по руке, этим жестом словно усаживая ее обратно.

– Да насиделась уже, аж ноги затекли, – и Самоварова с улыбкой обвела глазами мужчин, в растерянности застывших у столика. – Давайте знакомиться, – обратилась она к ним.

– Иван Михалыч.

– Николай.

– Иван.

Последний, маленький и кривоногий, тот, что стоял на лесах, произнес свое имя тихо и скомканно, а затем быстро отошел за спины товарищей – вроде бы его тут и нет.

– Варвара Сергеевна – наша гостя... – с пафосом начала было Жанна, но вдруг осеклась и замолчала, не зная, как надлежит представить необычную гостью простому люду.

– Мы уже поняли, – с легкой усмешкой хмыкнул бригадир. – Добро пожаловать!

Усмешка, как поняла Самоварова, предназначалась распоряжайке.

– Ну че встали как неродные, курите, раз перекур! – И Жанка уселась обратно на лавку.
– Жанна Борисовна, мы уж лучше где привыкли, – подал голос молодой (Колян, как звали его товарищи) и махнул рукой в сторону террасы. – Там у нас и чайничек, и сигаретки.

Распоряжайка пожала плечами и взглянула на гостью – та ни на чем не настаивала.

Когда рабочие гуськом двинулись в сторону террасы, Жанна с едкой иронией бросила им вслед:

– Лучше им там... Ничего-ничего, прикрою я скоро эту лавочку! Терраса хозяйская, у Алинки на нее большие планы были, а эти все никак ее не доделают: типа некогда, типа в последнюю очередь. Распустила их Алинка! Где это видано, чтобы работяги, при живущих в доме хозяевах, чай в принадлежащем им помещении гоняли!

– Вероятно, больше нигде, – предположила Варвара Сергеевна.

«Ее бесит, что кто-то из этих трех отказался ей подыгрывать», – поняла она.

В этой короткой дурацкой сценке строители в грязной одежде выказали куда больше такта, чем претендующая на роль хозяйки распоряжайка.

– Что значит – негде? Шли бы в свой вагончик!

– А где он, кстати? – поинтересовалась Самоварова.

– А... В начале поселка бытовка стоит. Управляющий пока разрешает на ничейной территории, у леса, ставить бытовки для рабочих. А Алинка, представляете, им столы здесь по праздникам накрывала! – И Жанна раздраженно постучала наманикюренным пальчиком о чугунный стол.

– И Андрей это одобрял?

– Пф... Он же дома почти не бывает! Нет, эти посиделки проходили в его отсутствие.

– И для чего она это делала?

– Откуда я знаю? – пожала плечами Жанна. – По доброте души, имхо...

– Но вы ведь принимали в этом участие?

– Я?! А мне не надо ходить к народу. Я и есть народ! – театрально воскликнула Жанка и картинно насупилась.

«То ли она в детстве в школьном театре переиграла, то ли действительно считает, что так жеманно и неестественно должна вести себя хозяйка большого дома...»

– Но если вы отождествляете себя с народом, отчего ж вы с ним так разговариваете?

– Что вы имеете в виду? – вскинула свои густые черные брови распоряжайка.

– Я имею в виду, что вы не представили им меня, не сказали, кто я и зачем я здесь, – устало вздохнула Самоварова. Этот местечковый цирк стал уже надоедать. Видимо, прав Валерий Павлович: поездка сюда была ошибкой, и делать им здесь совершенно нечего. Только вот очень жаль хрупкую, с большими грустными глазами Алину. Варваре Сергеевне вспомнился портрет на стене и вдруг дико захотелось увидеть его вновь, в оригинале, а не на фото в своем айфоне.

– Я бы хотела сегодня же переговорить с вашими рабочими об Алине, – безучастным тоном продолжила Самоварова. – А вечером Андрей принесет... – с трудом подобрала она формулировку, – официальную историю своей жены.

– А моим словам вы, значит, не доверяете! – обильно накрашенное лицо Жанны, кажется, демонстрировало теперь обиду.

– Мне нечему пока доверять, – спокойно парировала Самоварова. – Вы дали мне очень мало информации.

Вчера распоряжайка сунула ей в руки записанный на клочке бумаги пароль от вайфая, который, с ее слов, она с трудом отыскала в большом доме, и после утреннего разговора с Валерием Павловичем Самоварова наконец подключила мобильный к высокоскоростному местному инету (билайновский в этой зоне постоянно зависал) и тут же глянула расписание ближайших «Сапсанов».

Будто считав, о чем она думает, Жанна в своей обычной манере резко сменила тон и, перестав выделываться, глубоко вздохнула:

– Варвара Сергеевна, миленькая вы моя, – заговорила она и впрямь как с любимой тетушкой, хватая Самоварову за плечо. В ее голосе сквозил неподдельный испуг:

– Мы же с вами хотим одного и того же... чтобы она нашлась. Вы спрашивайте, а я отвечу, если смогу. Просто Алинка действительно такая... Словно одна ее часть существует здесь и сейчас, а другая – в каком-то ином мире. При этом она, в отличие от меня и своего мужа, собрана и уравновешенна. Часто, при смене погоды, ее беспокоили скачки давления, в эти дни она могла подолгу лежать у себя. Но даже в такие моменты – а ведь от этого дьявольского давления каждый второй в этом странном климате страдает! – мне казалось, что она врет...

– Она только здесь такая стала? – решив пока не отступать от выбранной тактики, равнодушно уточнила Самоварова.

– Нет. Я замечала и раньше.

– Раньше – это до Андрея?

– Да. Какое-то время мы вместе снимали квартиру. Но в последние дни в Алине появилось то, чего раньше в помине не было.

– И что же?

– Высокомерие! – не скрывая засевшей в ней обиды, взвизгнула Жанка. – Я вам говорила, она со мной в молчанку играла с вечера пятницы, а в воскресенье вообще меня послала!

– Погодите... Возможно, то, что вы приняли за высокомерие, было связано с внутренней напряженной работой мысли.

Самоваровой необходимо было перво-наперво узнать подробную биографию пропавшей, а не опускаться до бабьих разборок из-за пропавших заколок и прочего житейского вздора.

– Когда вы снимали квартиру?

– Да какая разница! Пять лет мы вместе прожили, целых пять лет... А потом появился он, и мне пришлось съехать.

– Об этом позже. Как вы с ней жили?

– Хорошо, – Жанна теребила длинную веревочку-завязку от капюшона своего черного худи. – Случалось, у нас даже любовники были общие.

– Одновременно?

– Конечно, нет! – глухо хохотнула распорядка. – Но... вы же понимаете, две молодые симпатичные девушки в большом и жадном городе... В тот период нам приходилось выживать. Это были мужчины ради...

Она явно не могла подобрать подходящий, по ее мнению, для ушей Самоваровой эвфемизм. Конец веревки уже дошел до колен, и она безжалостно за него дернула.

– Денег? – подсказала Варвара Сергеевна.

– Не совсем... Вы только не подумайте, проституцией мы не занимались! Ради поддержки, иногда просто ради фана.

От Валерия Павловича, который часто общался с сыном, Варвара Сергеевна переняла кучу молодежных словечек, и ей это нравилось.

Но слово «фан» ей прежде не встречалось.

– Не совсем понимаю, что это.

– Фан? Это молодость. А молодости свойственно особо не париться.

– И в этом ее преимущество.

Веревка вылезла из капюшона и оказалась в руках распорядка. С мольбой во взгляде Жанка покосилась на собеседницу.

И Самоварова ей подыграла:

– Представьте, я тоже была молода, а опрометчивые поступки совершаю и по сей день, – с иронией произнесла она. – Расслабьтесь, Жанна, не в моих правилах осуждать людей. Меня пригласили сюда, чтобы помочь, а не разоблачать ваше общее прошлое.

– Но вы же сажали людей в тюрьму?! – как будто внезапно опомнилась распорядка.

– Не я сажала, суд. Но вовсе не за фан.

– А за что?

– За нарушения закона, перечисленные в уголовном кодексе Российской Федерации.

– Ясно... А вы совсем не похожи на следователя. Я бы подумала, что вы из творческой интеллигенции – какой-нибудь ответственный редактор, решающий судьбы рукописей.

– В каком-то смысле мы все решаем чьи-то судьбы. А что касается меня, то я уже давно не следователь, а расследователь. – И Варвара Сергеевна улыбнулась своей коронной рассеянно-задумчивой улыбкой. – А сейчас вот пытаюсь писать роман.

– Вы очень интересный человек, – после паузы продолжила Жанна. Теперь она явно старалась подольститься, закрепить в снова пойманной тональности общения. – Кстати, может, по кофейку, для связки слов в предложении? А еще лучше – по коньячку?

– Для коньяка рановато, а от кофе не откажусь.

– Тогда пойдете в дом!

– Но у меня тоже кофе есть, а сегодня, благодаря вам, есть уже и чашки.

– Там ваш Валерий Павлович, и я ему явно не нравлюсь. Не обижайтесь, но у он у вас больно заумный. Ни слова, как говорится, в простоте... Мне сложно с такими людьми.

– Глупости. Хотя, как скажете, можно и в большой дом.

Этого Самоварова и хотела.

Жанна повела ее через террасу, на которой рабочие, допивая кофе, что-то негромко обсуждали.

На сей раз даже не взглянув в их сторону, распорядка приоткрыла дверь.

Оттуда-то из глубины, видимо, со стороны центрального входа, послышался разговор.

– Я буду ждать маму здесь! – раздался тоненький упрямый голосок.

Ему что-то совсем тихо, так, что было не разобрать, отвечали.

– Нет! Я хочу здесь! Я не хочу наверх!

Жанна замешкалась на пороге.

– Что-то мало они сегодня погуляли, – оправдывающимся голосом обратилась она к Самоваровой, но лицо ее при этом потемнело.

По мере приближения вошедших голос мальчика становился все громче и истеричнее:

– Я тебя ненавижу! Я хочу ждать маму здесь!

И тут за спинами Варвары Сергеевны и Жанны, застывших у открытой двери на террасе, послышался жуткий грохот.

Маленький кривоногий дядя Ваня лежал на бетонном полу, похожий на пойманного в банку паука, и бился в конвульсиях. Лицо его исказила судорога, изо рта шла пена.

Михалыч схватил со стола ложку и ловкими опытными руками разжал товарищу маленький, неестественно красный рот.

19

Из дневника Алины Р. 1 мая.

В этом доме у меня постоянно мокрая после душа голова. Толком подкраситься, в отличие от Жанки, не успеваю, а с ресницами, бровями и ногтями вопрос решаю два раза в месяц – спасибо современным технологиям, ногти всегда красные, а брови и ресницы – почти соболиные.

Из запланированного на день, как правило, удастся сделать все, но на себя времени почти нет. Когда я предложила Жанке остаться, точнее, она не мытьем, так катаньем, оставшись без работы, вынудила меня сделать это предложение, я поначалу обрадовалась: мы снова, как в добрые старые времена, были вместе.

Каждый день мы готовили для Тошки затейливые блюда, играли с ним в прятки, гуляли в лесу и два-три раза в неделю, как раньше, занимались вместе йогой.

Привыкнув к ней заново, я начала бояться, что она вдруг передумает и уедет.

Тогда я стащила у нее заколку.

Вдруг сработает?

Сработало, но не так, как хотелось.

Произошло неизбежное: Жанка залипла на Ливрееве.

С тех пор йогу (и все остальное) ей заменяет наш прораб, а что до меня, то здесь включается моя обычная амбивалентность: с одной стороны, мне проще оттого, что не приходится подолгу уговаривать ленивую подругу принести коврики и уделить практике хотя бы двадцать минут, а с другой – я злюсь на себя за всегдашнее потакание чужим желаниям и следование на поводу у чужих обстоятельств.

Вообще, если подумать (как же я хочу повесить на разум железные замки, чтобы навсегда закрыть себя от этих изнуряющих мыслей!), я всю жизнь только и делаю, что иду на поводу у чужих обстоятельств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.